

UNICUM

ДИНАСТИЯ
УНИКАЛЬНЫХ
УБИЙЦ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

2 ДИРИЖЕР

НА ОСНОВЕ СЕКРЕТНЫХ АРХИВОВ

UNICUM

Сергей Бакшеев

Дирижер

«Автор»

2021

Бакшеев С. П.

Дирижер / С. П. Бакшеев — «Автор», 2021 — (UNICUM)

ISBN 978-617-12-8944-4

«Дневник бывшего полковника КГБ Сергея Васильевича Трифонова мне передала его вдова. Он начал его вести осенью 1982 года, когда перед увольнением со службы проходил лечение в ведомственном санаторий в Сочи. 20 октября при выходе с Большой спортивной арены в Лужниках в результате смертельной давки погибли десятки футбольных болельщиков. Опрашивая пострадавших, Трифонов заподозрил, что паникой кто-то дирижировал. Неизвестный, обладающий особым даром, использовал уже знакомые ему методы воздействия на толпу. Выводы полковника не понравились начальству и его отправили в отставку. Находясь в Сочи, Сергей Васильевич стал исследовать другие странные случаи гибели людей и всё больше склонялся к мысли, что за трагическими событиями стоит человек по имени Дирижер. Он сопоставил хронику засекреченной трагедии с известными ему фактами, изучил списки погибших в эпицентре давки на стадионе и догадался, кто скрывается под благозвучным именем, продолжающим музыкальную династию. Дирижер превзошел своего отца Композитора, не говоря уже о сестре Вокалистке, – сделал вывод Трифонов. На основе его дневника я восстановил историю Дирижера...»

ISBN 978-617-12-8944-4

© Бакшеев С. П., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	28
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Бакшеев

Дирижер

«Музыка – это тишина, которая живёт между звуками»
Вольфганг Амадей Моцарт

Пролог

Дневник бывшего полковника КГБ Сергея Васильевича Трифонова мне передала его вдова. Он начал его вести осенью 1982 года, когда перед увольнением со службы проходил лечение в ведомственном санаторий в Сочи.

20 октября при выходе с Большой спортивной арены в Лужниках в результате смертельной давки погибли десятки футбольных болельщиков. Опрашивая пострадавших, Трифонов заподозрил, что паникой кто-то дирижировал. Неизвестный, обладающий особым даром, использовал уже знакомые ему методы воздействия на толпу. Выводы полковника не понравились начальству и его отправили в отставку.

Находясь в Сочи, Сергей Васильевич стал исследовать другие странные случаи гибели людей и всё больше склонялся к мысли, что за трагическими событиями стоит человек по имени Дирижер. Он сопоставил хронику засекреченной трагедии с известными ему фактами, изучил списки погибших в эпицентре давки на стадионе и догадался, кто скрывается под благозвучным именем, продолжающим музыкальную династию.

Дирижер превзошел своего отца Композитора, не говоря уже о сестре Вокалистке, – сделал вывод Трифонов.

На основе его дневника я восстановил историю Дирижера.

Глава 1

20 октября 1982 года

Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет. Неразрешимая проблема.

Его задача была и проще, и сложнее. Кровный враг, которого он должен был найти и уничтожить, сбежал в Москву, надеясь затеряться в огромном городе. Расчет был верен, Москва не темная комната с четырьмя углами, а каменные джунгли. Как отыскать одного человека среди восьми миллионов, если не знаешь его адреса и не можешь обратиться в милицию?

Двадцатипятилетний Санат Шаманов полагался только на свой слух.

20 октября 1982 года в Москве резко похолодало и выпал мокрый снег. Санат, приехавший из Сочи в погоне за беглецом, не позаботился о теплой одежде и шапке. Он был одержим единственной целью – расквитаться с убийцей. Два предыдущих дня Санат почти не спал. Он колесил по городу в надежде услышать голос, шаги или хотя бы дыхание своего врага. Теплая одежда ему бы только мешала, потому что он слышал всем телом.

В момент наибольшей концентрации его организм словно порождал сверхчувствительное облако, которое выходило за границы тела, трепетало от шума и распознавало малейшие звуковые колебания. Его слух невидимыми рецепторами продирался по улицам, проникал сквозь стены, цеплялся за тысячи разговоров в поисках голоса заклятого врага. Окружающие шумы накатывали волнами, вонзались острыми иглами в его обнаженную слуховую оболочку, причиняя боль, но закрыться от звукового хаоса он не имел права.

Сегодня Санат увидел афишу футбольного матча. На Большой спортивной арене в Лужниках «Спартак» играет еврокубковый матч с голландцами. Это шанс! Его враг болельщик «Спартака», знаком с самим Федором Черновым. Убийца верит, что недостижим и вполне может прийти на важную игру.

За час до начала матча на Ленинских горах напротив стадиона «Лужники» появился долговязый немного сутулый молодой человек с острым кадыком на тонкой шее и непокрытой головой. На нем была легкая не по погоде куртка на молнии, на плече висела небольшая сумка. Черные прямые волосы ему достались от мамы алтайки, одухотворенное лицо и миндалевидные глаза от дедушки – алтайского шамана, а уникальный дар от загадочного папы.

Санат Шаманов не помнил погибшего отца, но знал, что тот известен, как одержимый охотник за редкими голосами по кличке Композитор. Своим голосом, переходящим в инфразвук, Композитор мог посеять панику, вселить страх, ужас и даже вызвать паралич жизненно важных органов, что приводило к смерти.

Добрая мама и жестокий папа уживались в сыне как единое целое. Бог вдохнул в человека душу, значит душа – это часть дыхания. А дыхание – это энергия для голоса. В обычном состоянии душа Саната была открытой и чистой, таким же был его голос. Но когда черный туман мести окутывал его душу, то дыхание и голос менялись. Он становился копией безжалостного отца.

Возвышенность на берегу Москва-реки именовалось смотровой площадкой, однако Санат пришел сюда, чтобы не созерцать, а слушать. Зрение ущербно по сравнению со слухом: любая занавеска – непреодолимая преграда для глаз, темнота делает зрячего слепым, что уж говорить о стенах. Да и на открытом пространстве сектор обзора всегда недостаточный. Чтобы быть в курсе происходящего вокруг тебя надо непрерывно вращать головой, и не факт, что важное не пропустишь. Другое дело просто слушать. Можно с закрытыми глазами. Так точно ничего не ускользнет от твоего внимания.

Санат Шаманов расстегнул куртку, прикрыл глаза, вытянул шею, расставил руки, раскрыв ладони по направлению к стадиону, и превратился в сверхчувствительное облако слуха.

К стадиону стекались шумные болельщики. Санат вслушивался в их шаги и голоса, но гомон толпы, громкие кричалки, перепалки с милицией рассеивали его внимание. Тысячи источников звука концентрировались в одном месте, накладывались друг на друга и искажались.

Началась игра и к шуму десятков тысяч болельщиков, добавился стук мяча, свистки арбитра, окрики футболистов, указания тренеров. Когда «Спартак» забил гол, стадион взорвался безумными криками. Громкие вопли фанатов пронзили оголенный слух парня, он чуть не потерял сознание, но голоса врага не услышал.

Во втором тайме игра успокоилась. Замерзшие фанаты взяли передышку, а под конец игры стали подбадривать игроков, требуя второго гола. Санат замерз, обессилел, но не мог позволить себе расслабиться.

В какой-то момент он смирился с мыслью, что зря ищет убийцу на стадионе, как вдруг среди сотен голосов уловил крик:

– Федор, вперед! Забей им!

Кричал его враг – убийца. Он нашел его.

Шаманову сразу стало легче. Он сконцентрировал слух на единственной цели, отбросив посторонние шумы. Теперь он практически видел, как убийца ерзает на трибуне, подскакивает, машет руками, кричит. Санат словно рыбак подсек добычу и стал наматывать невидимую леску, сокращая расстояние. Он побежал к метромосту, перешел на другой берег Москва-реки и спустился на территорию стадиона.

Футбольный матч заканчивался, ограждения были сняты, и Санат подошел вплотную к спортивной арене. Скоро оттуда хлынут болельщики, они помогут ему отомстить убийце.

Он расположился у подножия ступеней. Оставалось несколько минут, чтобы перевести дух. Теперь ему требовался не слух, а особый зловещий голос. Тот самый сверхнизкий неслышимый шум, который вселяет в толпу страх и панику.

Санат достал из наплечной сумки небольшой термос с концентрированным настоем из ягод шиповника. Еще в детстве мама приучила его к этому напитку. Она говорила, что дедушка-шаман всегда принимал отвар шиповника перед ритуалом камлания. Горячий напиток придавал силу голосу и поддерживал психически-эмоциональное состояние в фазе возбуждения.

Санат маленькими глотками опустошил термос. Горло прогрелось, грудь распирало от прилива энергии.

Игра еще продолжалась, а болельщики стали покидать стадион. Людские ручейки с широкой трибуны стекались к одной каменной лестнице, окаймленной высокими железными перилами. Перед игрой растоптанный снег растаял, но к ночи мороз усилился, и ступени частично заледенели.

Санат услышал, как убийца направился к выходу с арены, и начал действовать. Он набрал в легкие воздух, расправил плечи, запрокинул голову и тихо зашипел. Поначалу можно было различить его слова:

– Шагайте, шагайте быстрее, шире шаг, шагайте...

Постепенно низкий голос перешел в одно непрерывное «шааа», а потом и вовсе стал не слышен. Грудь Саната вздымалась, его рот открывался, а натужное выражение лица подтверждало, что парень неистово, но беззвучно кричит. Его усилия удесятерились, когда на каменной лестнице появился враг. К этому моменту толпа уже ощущала нарастающую тревогу. На лицах болельщиков появился испуг, их подгонял безотчетный страх. Люди спешили покинуть опасное место.

Санат с детства постиг истину: музыка, шумы и звуки влияют не только на настроение и эмоции, но на сердцебиение, дыхание, ритмы тела. Музыка может привести в состояние вос-

торга, а может повергнуть в уныние, вселить тревогу. Самые низкие шумы порождают страх. И Санат продолжал источать неслышимые волны панического ужаса.

Внешне он выглядел худым слабаком, но невидимая сила его голоса подгоняла страхом огромную толпу. В Сочи музыканты из ресторана скорее в шутку, чем в серьез назвали его Дирижером. Санат не возражал. Именно дирижер определяет темпы, замедления и ускорения в музыке, задает нерв произведения и решает, где будет кульминация.

Сейчас он дирижировал толпой, как оркестром. Прелюдия закончилась, толпа разогрета и подвластна одной ноте – необъяснимому страху. А теперь кульминация – сольная партия! Дирижер сконцентрировал выплеск энергии на человеке за спиной своего врага. И тот рванул вперед, сломя голову. Так и произошло. Буквально.

Гонимый ужасом болельщик закричал, сбил убийцу, перелетел через него и сломал себе шею о каменную ступеньку. Его крик оборвался одновременно с хрустом шейных позвонков.

И началась паника. Народ стремился вперед, толкался, поскользнулся, падал и давил друг друга. Хрустели ребра, глаза вылезали из орбит, сдавленные люди не могли вздохнуть и умирали от удушья на свежем морозном воздухе.

Дирижер мог посчитать погибших по числу остановившихся сердцебиений. Но прислушивался лишь к одному сердечному ритму – подлому сердцу своего врага. Тот был еще жив.

Глава 2

Четырьмя месяцами ранее

В середине июня 1982 года, когда ласковое солнце щедро баловало курортный Сочи жаркой погодой, в статусную гостиницу «Жемчуг» вошла супружеская пара: молодой человек и беременная женщина.

Все-таки они пришли, с сожалением констатировал Санат Шаманов. Он находился в смежном корпусе в помещении ресторана, не мог видеть вошедших, но слышал каждое их слово, поступь шагов, шорохи движений.

Дама-администратор за стойкой приема наметанным глазом оценила гостей. Одеты в модные фирменные вещи, даже на беременной особый брючный костюм, а не безразмерный сарафан, как у семейных клуш в ее положении. На лицах солнцезащитные очки, которые увидишь разве что в зарубежных фильмах. У парня вместо угловатого чемодана дорожная сумка на плече, явно импортная, и никакой испарины на лице, значит, подъехали на такси или на собственном автомобиле.

Лицо старшего администратора несколько портила выпуклая родинка на щеке. Она холодно взирала на гостей из-за таблички «Свободных мест нет», ожидая нездорового внимания к своему дефекту.

Однако гость широко улыбнулся и одарил ее теплым взглядом:

– Здравствуйте! Вашему Хозяину про нас Эльдар Рязанов вчера звонил.

Дама приподняла брови, выражая заинтересованность. Знаменитого режиссера ведущего «Кинопанорамы» Эльдара Рязанова знала вся страна. Приезжая в Сочи, режиссер не раз останавливался в «Жемчуге». А вот Хозяином почтительно величали директора гостиницы Рудольфа Матвеевича Портновского. О неофициальном имени директора знали лишь посвященные.

– О! А вы кто, простите? – вежливо поинтересовалась администратор.

– Антон Самородов, кинооператор Эльдара Александровича. – Молодой человек выложил паспорт. – Только что закончили съемки нового фильма. Приехали с женой отдохнуть.

– Новый фильм Рязанова? Как «Ирония судьбы» или «Служебный роман»?

– Лучше. В главных ролях Гурченко и Басилашвили, – поделился тайной, почерпнутой из журнала «Советский экран», обаятельный гость. – Кстати, у вас очень выразительные глаза. Мы часто привлекаем непрофессионалов для эпизодов. Буду иметь вас в виду.

– О! – Глаза дамы благодарно вспыхнули. Она сверилась со списком гостей по блату, полученным от директора, нашла фамилию Самородова и услужливо спросила: – Вам люкс или полулюкс?

Предложить «стандарт» видному гостю администратор посчитала неуместным. Самозванный кинооператор по-свойски махнул рукой:

– Я же не мэтр Рязанов. Полулюкс достаточно.

Дама за стойкой переключила внимание на беременную, пристально всматриваясь в лицо с восточным разрезом глаз – уж не актриса ли перед ней?

– Ваш паспорт, пожалуйста.

Молодая женщина, привыкшая к спектаклям мужа при заселении, молча протянула документ. В отличие от привередливых девушек ей нравилась своя фотография в паспорте, на ней она была без шрама на щеке, по сравнению с которым родинка администратора – пикантная прелесть. Вместе с жутким шрамом от ожога она избавилась от грязного прошлого.

Вот уже два года она не певица Сана Шаманова и не агент с оперативным псевдонимом Вокалистка, а Александра Марковна Самородова, законная жена Антона Самородова. Замужество и смена имени ознаменовали новый период ее жизни. Для всех Вокалистка погибла.

Агента, работавшую на госбезопасность, больше нет. Сана стала другой, но ее дар никуда не делся. Она может слышать тайные разговоры сквозь стены, улавливать тихие звуки с большого расстояния и непринужденно подделывать любые голоса независимо от пола и возраста.

Вчера Александра позвонила директору Портновскому голосом Эльдара Рязанов, подружески попросила за своего кинооператора Самородова, и вот теперь их селят в престижную гостиницу «Жемчуг» в разгар летнего сезона.

В прошлом году они с Антоном провели здесь три недели и неплохо заработали. Потом перебрались в другую гостиницу и продолжили изъятие денег у беспечных отдыхающих. Сейчас она ждет ребенка, большой живот уже не скроешь. Это особая примета, но кто же подумает, что беременная женщина способна обчистить гостиничный номер.

Сана с легким сердцем довольствовалась бы тихой семейной жизнью, но Антону вечно всего мало. Он, как клокочущий гейзер, транжирит деньги и фонтанирует идеями. Недавно купил новые «жигули», белую «пятерку», естественно, на черном рынке и за тройную цену. Модную одежду приобретает у фарцовщиков, а в рестораны ходит, как на работу. Впрочем, последнее не далеко от истины, особенно сейчас, в курортный сезон.

Беременность сделала Сану осторожнее, она решила завязать с рискованными авантюрами. Дошло до семейного скандала. Антон настаивал, что ее удивительный дар глупо не использовать. Легкие деньги валяются под ногами, надо их только поднять. Он умел уговаривать. Сошлись на том, что после рождения ребенка, они покончат с мошенничеством, уедут в тихий городок и заживут, как все. А пока, твердил Антон, нужно усердно потрудиться и сколотить капитал на долгую беспечную жизнь.

Ладно, как-нибудь обойдется, успокаивала себя Сана, ведь прошлый сезон прошел гладко.

Огромная гостиница «Жемчуг» лакомый кусок для их планов. Здесь сотни номеров, состоятельные гости, а в ресторане «Черный жемчуг» по вечерам выступает группа «Ночной шторм», где на клавишных играет ее брат двойняшка Санат Шаманов. У брата слух такой же всепроникающий, как у нее, а возможности голоса гораздо шире. Санат, манипулируя голосом, способен разжалобить человека, вызвать доверие, а может подчинить, внушить страх, заставить паниковать и даже отключить врага против его воли.

Но брат не злоупотребляет своим даром, в душе он музыкант-импровизатор. Он, как и Сана, без малейшего усилия запоминает любую мелодию. Для воспроизведения ему не хватало только технических навыков. Несколько месяцев Санат брал уроки игры на пианино, осваивал музыкальную грамоту, тренировал моторику пальцев, и теперь он клавишник-виртуоз, играет на синтезаторе в вокально-инструментальном ансамбле.

Ресторан «Черный жемчуг» популярное на побережье заведение. Из окон видно море, официантки одеты в кокетливую сине-белую морскую форму, подвыпившие гости сорят деньгами, и музыканты зарабатывают с лихвой. Санат не привередлив, ему на жизнь хватает, а сестре он согласился помочь, потому что она ждет ребенка.

Брат, как третий член семьи, живет в одном съемном доме с Антоном и Александрой. Он в курсе семейного спора и взял обещание с Антона:

– Как только сестра родит, у вас начнется нормальная семейная жизнь, без краж и махинаций. Ты обещаешь?

Антон кивал и заверял:

– Так и будет. Помогите сорвать куш, и мы завяжем раньше.

Заселившись в номер престижной гостиницы, Сана скинула туфли, легла на застеленную кровать и блаженно вытянула затекшие ноги. Седьмой месяц беременности и жара давали о себе знать.

Неугомонный Антон надолго жене расслабиться не позволил:

– Где Санат? Позови его.

Сана прикрыла глаза, освободила грудь от верхней одежды и сосредоточилась на мире звуков. Окружающие ее стены, пол и потолок словно рассыпались, ее тело превратилось в невесомое чувствительное облако, и сотни невидимых звуковых колебаний касались ее с разной интенсивностью, передавая всевозможную информацию. Так дуновение ветра тревожит листву большого дерева. Она слышала голоса постояльцев, шаги в коридорах, работу горничных, включенные телевизоры, гудящие лифты, дребезжащие холодильники, открытые краны с водой и другие шумы, которыми дышал огромный отель.

– Санат. Санат, мы заселились. Ты где? – позвала брата сестра и превратилась в слух в ожидании ответа.

Глава 3

Шаманов слышал сестру, но ответил не сразу. Его тревожило, что беременной женщине предстоит заниматься рискованным делом. Однако прятаться глупо, пара уже в гостинице, и сестра всё равно его услышит, как и он ее. Лучше им помочь, так будет безопаснее.

– Привет, сестренка. Я в гримерной ресторана, – произнес он, не повышая голоса.

Чтобы разговаривать друг с другом им не нужно было встречаться. Достаточно каждому погрузиться в состояние абсолютного слуха, настроиться на взаимную волну, после чего общение происходило так, словно они сидели на соседних стульях.

Сана услышала брата и сосредоточилась только на его голосе, все остальные звуки для нее рассыпались в труху.

– Он в гримерной, – сообщила она Антону, и уже для брата пояснила: – А мы в пятьсот пятом номере.

– Я знаю, – ответил Шаманов.

Губы Саны тронула улыбка. Брат проследил ее шаги по всему отелю, для его слуха это не проблема. Она бы и сама его услышала, но брат не любит засорять мир шумами своего тела. Его любимое развлечение – превратиться в черную дыру и захватывать все звуки, в надежде познать что-то новое.

Самородов привык к такому общению жены с братом и ничему не удивлялся. Подумаешь, что ресторан расположен в пристройке к гостинице, между ними сейчас пять этажей и капитальные стены. Бывало преград и побольше.

– Спроси про постояльцев. Наводки есть? – перешел к делу Антон.

– Выходите на пляж, там встретимся, – повторила слова брата Сана.

Супруги распаковали вещи, переоделись для пляжа и спустились к морю. Санат сидел на скамье с развернутой газетой спиной к пляжу. Его долговязая сутулая фигура не шелохнулась, когда родные люди прошли мимо. Для всех они посторонние – так лучше для опасного дела.

Для всепроникающего слуха Саната будничная жизнь постояльцев в номерах отеля была, как на ладони. Он заранее узнал кто и где хранит деньги и подобрал несколько вариантов, пусть не самых выгодных, но безопасных с учетом возможных последствий.

Пока Самородовы прогуливались вдоль пляжа, он рассказывал им об отдыхающих с деньгами. Со стороны казалось, что молодой человек читает прессу и бормочет что-то себе под нос. На самом деле он общался с сестрой.

– Толстяк в голубых плавках на лежаке в среднем ряду, пьет пиво из кружки.

Сана нашла человека взглядом и показала мужу.

– Это директор текстильной фабрики, – пояснил Санат. – К вечеру всегда напивается и добавляет в баре. Жена вечно пытается его затянуть в номер. Деньги хранят на дне чемодана за подкладкой. Рублей пятьсот, не меньше. Живут на вашем этаже в пятьсот двенадцатом.

Выслушав пересказ Саны, Антон одобрительно кивнул:

– Удобно. Еще варианты есть?

Санат делился информацией, не глядя на пляж. Сана тихо пересказывала для мужа.

– Справа от вас парочка средних лет на лежаках под зонтиком. Дама в закрытом красном купальнике и широкополой соломенной шляпе с алой лентой. Мужчина с усами, в очках, бегаёт глазками.

– Видим, – подтвердила Сана.

– Это дантист из Москвы. Живут в семьсот девятом. Дантист заглядывается на молодую блондинку из двести двадцатого номера. Дамочка не прочь пофлиртовать, она сейчас выходит из воды.

Антон оценил стройную загорелую девушку в откровенном купальнике и произнес с ухмылкой:

– Губа не дура.

Девушка в облипающем черном бикини прошла мимо дантиста, отряхивая мокрые волосы. Тот чуть не вывернул шею. Супруга заметила внимание муженька и двинула его локтем в бок. Мужчина закатил глаза, видимо, придирки жены были в семье нормой.

Санат продолжил:

– Деньги всегда у жены в дамской сумочке. Она женщина ревнивая, импульсивная, если дать сигнал, бросит всё и побежит, чтобы застукать неверного.

Антон понимающе улыбнулся и уточнил:

– Сколько у них?

– Рублей четыреста еще осталось.

Самородов понаблюдал, как уязвленный дантист тратит деньги в пляжном кафе, и решил:

– Займемся ими сегодня же.

Глава 4

Музыкальная программа в ресторане «Черный жемчуг» начиналась в семь вечера. Шаманов заранее облачился в концертный костюм, чтобы не толкаться в тесной гримерной, когда придут другие музыканты. В группе «Ночной шторм» он уже год. Попасть в коллектив помог случай и чуткий слух.

Прежний клавишник Юрий Купченко за пьяный дебош угодил на пятнадцать суток в милицию. Это произошло в день свадьбы сына секретаря горкома партии, которая отмечалась в «Черном жемчуге». Руководитель группы Сергей Коваль рвал и метал, в ожидании музыканта. Если они подведут Хозяина гостиницы, то вылетят с доходного места с волчьим билетом – группу не возьмут ни в одно приличное заведение на побережье.

На свадебно украшенной «чайке» подъехали молодожены. Известный телеведущий, приглашенный из столицы в качестве тамады, дал команду музыкантам. Коваль обреченно взял первый аккорд, бас-гитарист, трубоча и ударник подхватили торжественный марш.

Телеведущий поморщился, ущербное звучание не соответствовало статусу мероприятия. Он шепнул что-то директору гостиницы, тот грозно зыркнул на музыкантов, и в этот момент у синтезатора появился Санат Шаманов.

Он расслышал ругань Ковалья за километр от ресторана и примчался, чтобы предложить свои услуги. Объясняться было некогда, пальцы Саната пробежались по клавишам, придав мелодии необходимую сочность и объем. Опешившие музыканты несколько тактов молчали, но телеведущий одобрительно кивнул и поспешил к молодоженам.

Свадьба прошла как положено, весело и буйно. Музыканты выложились по полной. Поначалу Коваль решил, что Шаманов один из гостей, вызвавшийся им помочь. Но, выяснив, что парень ищет работу, и убедившись в его мастерстве, согласился, оставить музыканта на две недели, пока выпивохе Купченко вправляют мозги в изоляторе.

За это время новый клавишник успел поразить Ковалья. Он сходу без репетиции мог сыграть любую мелодию, которую только что услышал по радио. Залихватски импровизировал, что особенно ценила подвыпившая публика. Впрочем, и Купченко, когда был трезв неплохо с этим справлялся.

Однако был у новенького особый дар, недоступный коллегам. В группе не было солистки, а шлягеры Аллы Пугачевой отдыхающие заказывали часто. Веселую песенку «Всё могут короли» еще модно было пропеть мужским голосом, но в исполнении любовной лирики приходилось отказывать и терять дополнительный парнас, так музыканты называли чаевые.

Как-то раз, когда побрякивающая золотыми украшениями заведующая универмагом в пьяной тоске заказала «Не отрекаются, любя», Коваль принялся извиняться, но Санат остановил его и заиграл вступление. Он исполнил песню примадонны каким-то особенным проникновенным голосом, ни чисто мужским и не поддельным женским, придав щемящей композиции неповторимый шарм. Расчувствовавшаяся дама осыпала певца купюрами. С тех пор репертуар группы расширился на все женские песни.

Худенький парень продемонстрировал еще один талант крайне востребованный в ресторане. Для заказной песни едва ли не главным является объявление: кто и для кого заказал композицию. Обычно послание ровным тоном озвучивал сам Коваль. Музыканты выступали с девятнадцати до двадцати трех часов и в конце каждого часа уходили в гримерку, чтобы выпить и закусить. В конце вечера Коваль часто хмелел и мог перепутать имена.

Шаманов, не употреблявший спиртное, однажды спас руководителя, который при объявлении песни гордого джигита Тамаза назвал Тамарой. Разгневанный гость с кулаками ринулся на Ковалья. Быть беде, но вовремя вмешался Санат.

Не даром говорят – обезоруживающая улыбка – она помогает. Но Санат применил обезоруживающий голос. Меняя силу, высоту и тембр голоса, он мог передать слушателю любое настроение.

– Это была проверка на вашу внимательность, дорогие друзья, – извинился Санат и перешел на особо уважительный тон: – Тамаз показал себя настоящим мужчиной, который никогда ни при каких обстоятельствах не теряет бдительность. Поприветствуем его!

Гость проглотил лесть и подчинился умиротворяющему тону. Санат заиграл лезгинку, и Тамаз с друзьями пустились в пляс. Тогда-то отдышавшийся Коваль и наградил Саната прозвищем Дирижер.

«Ты управляешь хмельным людом, как дирижер оркестром», – признался руководитель.

С тех пор молодой музыкант стал объявлять заказанные песни. В каждом случае он подбирал благозвучность и интонацию в соответствии с настроением публики. Веселые гости смеялись, буйные ревели от восторга, а сентиментальные пускали слезу. Пластичный голос Саната трогал потаенные струны их души, и публика щедро одаривала музыкантов.

Когда Юрий Купченко вернулся, Коваль дал закадычному приятелю от ворот поворот. Выгода от нового непьющего клавишника была очевидной.

Вечером чета Самородовых приделась и заняла столик в ресторане незадолго до появления музыкантов. Супружеская пара настроилась на важный рабочий ужин. Антон наблюдал, Сана вслушивалась.

В этом году беременность позволяла Сане не придумывать отговорок, почему она не пьет алкоголь. Истинная причина заключалась в том, что выпив, она превращалась в человека с заурядным слухом и лишалась дара слышать сквозь стены. Также окружающие с пониманием относились к тому, что беременная неожиданно уходила в туалет или поднималась в свой номер. Это играло на руку их планам.

Столик Самородовых обслуживала официантка Лана. Полоска с таким именем красовалась на груди миловидной девушки с черными кудряшками и расчетливым взглядом. Ей не нравилось свое обычное имя Светлана Ломакина. Меркантильная девушка пробилась в официантки престижного ресторана в надежде устроить личную судьбу с прекрасным принцем. Она умела флиртовать, но быстро разобралась, что богатые гости готовы тянуть ее в постель, а не к алтарю.

Едва не погубив свою репутацию, девушка перестала клевать на предложения продолжить чудный вечер в уютном гнездышке. Разочарование казалось беспросветным. И в этот момент в группе «Ночной шторм» появился Санат Шаманов.

Лана присмотрелась. Молодой, непьющий, талантливый с загадочной шаманской внешностью. И главное – зарабатывает в день столько, сколько обычный работяга в месяц! Остальные музыканты уже при женах или жуткие бабники, а чаще и то и другое. Зато стеснительный Шаманов пока без второй половинки.

Лана положила глаз на музыканта, и Санат не устоял. Кто ж откажется от Светочки-конфеточки. Так обозвал ее первый парень, когда получил желанное. Она уже строила планы, а он через месяц нашел другую податливую дуру. С тех пор она не Светочка, а Лана! Вот выйдет замуж, будет менять паспорт, тогда и имя сменит. Лана Шаманова – чем не вариант?

Санат мало рассказывал о себе, но Лана знала, что у него где-то существует сестра. Наверное, далеко, раз он их не знакомил. И это замечательно, не будет кланчить денежки у родственника. Лана сама найдет им применение. Благо Санат не жмот, легко зарабатывает и легко расстается с деньгами – ей ведь столько всего надо.

Лана предложила диетические блюда беременной гостье, но та выглядела настолько отстраненно, словно находилась не здесь. И это было недалеко от истины.

Глава 5

Первый час группа «Ночной шторм» исполняла спокойные композиции, давая возможность официанткам принять заказы. В начале второго часа, после короткого перерыва, музыканты заводили публику ритмичными песнями. Гости постепенно пускались в пляс.

Чета Самородовых время даром не теряла. За неполный день, проведенный в гостинице, Сана изучила голоса нужных людей, их имена, манеру общения, чтобы потом их копировать. Антон запомнил должности, имена-отчества и внутренние телефоны сотрудников гостиницы, которые получил от Шаманова.

Громкая музыка не мешала Александре слушать то, что происходит в отеле. Сейчас она сосредоточилась на пятом этаже. Как и предупреждал Санат, директор текстильной фабрики из пятьсот двенадцатого номера спустился в бар ресторана и стал заказывать одну порцию выпивки за другой.

– За толстяком явилась супруга, – оживился Антон, указывая глазами на назревающий скандал.

Женщина зудела что-то на ухо мужу. Антон проявлял нетерпение:

– Пора! На пятом этаже дежурит Раиса. Ты готова?

Вместо ответа Сана поднялась из-за стола, озабоченно придерживая живот, и вышла из зала. Как и договаривались, брат оставил незапертой дверь в гримерку музыкантов. Помимо прочего там имелся телефонный аппарат, ради которого Сана незаметно вошла в комнату.

Она позвонила дежурной по пятому этажу и голосом старшего администратора, той самой с выпуклой родинкой на щеке, приказала:

– Раиса, отнеси в пятьсот второй утюг и гладильную доску.

– Чего это? Пусть сами придут.

– Не спорь, если не хочешь, чтобы на тебя Хозяину пожаловались. Это не простые гости.

– У нас все не простые. Ладно, отнесу, – поворчала дежурная, не смея послушаться администратора.

– И не забудь показать, как пользоваться регулятором на утюге, а то сожгут сдуру платье, а ты будешь виноватой.

Поднимаясь на лифте на пятый этаж, Сана на слух контролировала события. Вот Раиса берет утюг, подхватывает гладильную доску и, чертыхаясь, тащится в конец коридора. Еще в ресторане Сана подслушала, как женщина из пятьсот второго хотела погладить мятое платье, но не решилась потревожить сотрудников гостиницы. Гостью ждет приятный сюрприз, советский сервис предугадывает желания клиентов.

Сана тем временем вышла из лифта, подошла к опустевшему столику дежурной и вытащила из ящика мастер-ключ, который подходил ко всем номерам на этаже. С помощью ключа беспрепятственно проникла в пятьсот двенадцатый номер. Под подкладкой чемодана, как и обещал Санат, она нашла около пятисот рублей. Забрала не все деньги, оставила четыре десятки и аккуратно вернула вещам прежний вид. Ювелирные украшения, часы, радиотехнику они с Антоном никогда не трогали. На сбыте вещей жадные воришки и попадают.

Перед выходом из номера Сана чутким слухом просканировала обстановку. В коридоре никого. Дежурная в пятьсот втором номере читает нотацию про утюг, словно расстается с бесценной реликвией. Толстяк в баре клянется супруге, что примет на посошок и отчалит спать.

Сана покинула номер, вернула ключ в стол дежурной и спустилась в ресторан. При входе в зал она столкнулась с пошатывающимся толстяком. Жене все-таки удалось увести пьяного мужа. Пропажу денег она заметит разве что утром и будет гадать, когда ее козел успел пропить крупную сумму.

Музыканты грянули песню из репертуара «Бони-М». Играли они чисто, только голоса местами фальшивили, однако танцующую публику это нисколько не смущало. Сане вспомнилось, как она исполняла все сольные партии на левых концертах поддельного «Бони-М». Мошенничество раскрыли, и чтобы избежать тюрьмы она вынуждена была на несколько лет стать агентом с оперативным псевдонимом Вокалистка. Те времена в прошлом, но петь со сцены ей иногда хотелось.

Александра вернулась за стол и тайно передала мужу украденные деньги. По ее спокойному виду Антон понял, что задуманное удалось. Он подмигнул жене и полупшепотом спросил:

- Когда второй номер нашей программы?
- К дантисту сам пойдешь, если фокус сработает.
- Ты уж постарайся.

Музыканты завершили композицию, и Сана услышала предупреждение брата: «Через песню у нас перерыв». Это означало, что музыканты вернутся в гримерную и воспользоваться телефоном не удастся. «Затяни импровизацию», – попросила она.

И тут же приказала супругу:

- Рассчитывайся. Уходим.

Антон не задавал лишних вопросов, поманил официантку и щедро расплатился. Они направились через холл к лифтам. Сана свернула по пути, якобы в туалет. На самом деле она вновь зашла в гримерную.

Первый ее звонок был любвеобильному дантисту.

– Мне так неудобно вас беспокоить, – щебетала она голосом загорелой блондинки, на которую тот положил глаз. – Вы такой умный, начитанный, а я кроссворд не могу разгадать. Не могли бы вы мне помочь? Я в двести двадцатом.

– Прямо сейчас? – опешил от неожиданности дантист.

– Я совершенно одна. Но если вы не можете, я позвоню другому, – игриво пригрозила Сана.

– Нет-нет, я приду. Надо разобраться со счетом.

Последние слова нарочито громко были сказаны для жены. Дантист ей пояснил, положив трубку:

– Я спущусь к администратору, они что-то напутали с датами оплаты нашего номера.

Как только дантист спустился на лифте на второй этаж, Сана позвонила его жене голосом дежурной со второго этажа:

– Ваш муж только что зашел в двести двадцатый номер. Это конечно не мое дело, но там проживает девушка, яркая блондинка, одна. Если мужчина не выйдет до двадцати трех часов, я буду вынуждена...

Договорить Сана не успела. Она услышала, как ревнивая женщина выскочила из семьсот девятого номера и понеслась вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Дверь в номер она не заперла и сумочку с деньгами с собой не прихватила.

Сана выждала несколько мгновений и позвонила дежурной на седьмой этаж, якобы от перепуганной коллеги со второго.

– Галя, ты видела этих бешенных? Это Таня со второго. Твои постояльцы у меня скандал собираются устроить. Прибегай разнимать, как бы чего не вышло!

Галя поспешила на помощь коллеге.

Шаманов убедился, что сестра покинула гримерную, бреющим движением ладони по клавиатуре завершил долгую импровизацию и объявил перерыв.

Сана с Антоном, немедля ни минуты, поднялись на лифте на опустевший седьмой этаж. Антон направился в незапертый семьсот девятый номер, а Сана задержала лифт и осталась контролировать обстановку. Провокация удалась. На втором этаже дежурные разнимали рев-

нивых супругов. Изумленная блондинка в коротком халатике вполне искренне изображала, что она не виновата, он сам пришел.

Антон вернулся быстро и кивком головы подтвердил, что всё в порядке. Он спустился на лифте один, покинул гостиницу и уехал на машине в их съемный дом, чтобы спрятать украденные деньги в тайник. Скоро он вернется, зайдет в бар, сделав вид, что проводил спать беременную супругу.

Сана спустилась на пятый этаж по лестнице. Равномерная ходьба позволила ей унять волнение. Напряженный вечер подошел к концу. Сана зашла в свой номер расслабилась. Она лежала на кровати и прислушивалась только к младенцу, растущему под ее сердцем. И верила в счастливое будущее.

Когда их станет трое, Антон угомонится. Он обещал, что наступит нормальная жизнь. А пока, уже завтра, муж попросит ее снова вслушиваться в огромный отель, в поисках расслабленных на отдыхе толстосумов.

Глава 6

После закрытия ресторана Коваль, как руководитель группы, поделил в гримерке парнас между музыкантами. Получилось по девяносто рублей – отличный результат, хотя и не максимальный для летнего сезона. Еще двадцатка осталась в общей кассе на «разогрев связок» для следующего вечера.

Светлана Ломакина перехватила Шаманова у гримерки. Она не стала переодевать морскую униформу официантки, только сменила растоптанный туфли-лодочки на элегантные босоножки на каблуках, отчего голубая мини-юбка казалась еще более короткой.

Девушка повисла на руке Саната, коснулась его грудью, блеснула глазками и зашептала:
– Хочу остаться сегодня в отеле.

Когда парнас был жирным, Лана не скупилась на ласку. Рассчитывает на часть вознаграждения догадался Санат, но не упрекнул в меркантильности девушку. Сегодня их планы переночевать в гостинице совпадали.

Он ухватил официантку за талию повел к лифту и, не задумываясь, нажал кнопку четырнадцатого этажа. Дежурная по этажу встретила знакомую парочку понимающей улыбкой и за десять рублей предоставила на ночь пустующий номер.

– Обалдеть! Ты опять угадал, где есть свободный номер, – в который раз умилилась Лана.
– Повезло, – отмахнулся Санат.

Они нередко пользовались дружеской услугой. Сделка была выгодной для дежурных – сдаешь своим проверенным людям, музыкант не куролесит и вовремя покидает номер. Утром трешка старшему администратору, рубль горничной, чтобы прибралась – и номер снова готов к заселению. Хороший приработок на скучной работе.

Дирижер, разумеется, слышал, как Сана с Антоном провернули две кражи по его наводке. Всё прошло гладко, но лучше ему быть рядом, в гостинице, чтобы подстраховать сестру в опасном деле.

У Ланы тоже был свой интерес. Девушке позарез нужны были то яркие брюки-бананы, то белый комбинезон или вареные джинсы, кроссовки на липучках, короткие сапожки, немецкий купальник, разноцветные туфли, колготки в сеточку, не говоря уж о об итальянских тенях, перламутровой помаде и туше для ресниц. Женская красота требует денег. Дефицитную вещь нужно было купить срочно, фарцовщики ждать не будут, и в процессе постельных утех она обычно добивалась заветной фразы: «Лана, возьми сколько надо».

Так было и на этот раз. Довольная собой официантка сунула денежки в сумочку и заснула. Санат долго прослушивал номера, в которых произошли кражи, и отключился только под утро.

Ланы в номере уже не было. На ее подушке лежал карандашный рисунок: он спит в постели с закинутой за голову рукой. Лана неплохо рисовала портреты и даже пробовала подрабатывать художником на набережной, но ее вытеснили грубые конкуренты.

Всепроникающий слух Саната заново прощупал голоса отеля, опасных последствий вчерашней акции не наблюдалось. Музыкант покинул номер, поблагодарил дежурную и переместился в гримерку. Оттуда он слышал, как сестра после пробуждения позволила себе понежиться в постели. Не выспавшийся Антон в это время следил из окна за входом в гостиницу, нервно теребя штору.

Заметив, что жена проснулась, он подсел к ней и заглянул в глаза:
– Как наши дела?

Самородов опасался, что потерпевшие вызовут милицию, и осознавал ущербность своего стопроцентного зрения по сравнению с невероятным слухом супруги.

– Не беспокойся, – ответила Сана, решив не напрягаться.

Она была уверена, что Санат предупредит ее в случае опасности особым сигналом, который она услышит даже во сне. Молодая женщина зажмурилась и потянулась. Какое счастье, что у нее двое любящих мужчин. Антон – заботливый муж, беспокоящийся об их семейном благополучии, и брат – настоящий ангел-хранитель. Как все двойняшки, она связана с братом невидимой аурой. Оба ощущают частичку друг друга в собственной душе.

Нервозность отпустила Антона. Он сунул руку под одеяло, скользнул по женскому бедру под сорочку и положил ладонь на теплый выпуклый живот.

– Как наш малыш? – выразил муж дежурное беспокойство, хотя в затуманенных глазах читалось плотское желание.

После удачного дела мужчина ощущал себя победителем, а победителю требовалась особая награда. Его рука сползла в ложбинку ниже пупка, коснулась жестких волосков, губы приблизились к губам Саны.

– Только осторожнее, – согласилась она и ответила на поцелуй.

Нежные касания, сдержанная возня обнаженных тел и решительные завершающие толчки привели мужа в восторг, а ей подарили умиротворение – он любит ее, она нужна ему, скоро их будет трое.

Санат слышал бесстыжие любовные ласки и не стал проявлять себя после их окончания. Он подождал, когда сестра с мужем позавтракают и направятся на пляж.

Пара прошла мимо скамейки, на которой он читал газету. Не поднимая головы, брат сообщил вслед сестре тихим шепотом:

– В милицию никто не звонил. Ревнивая жена дантиста устроила скандал, собрала вещи мужа и вытолкала его из номера. Дантист уверен, что стерва специально оставила его без гроша, а жена, обнаружив пропажу, думает, что наглый муженек исхитрился забрать большую часть денег на отпуск.

– А директор фабрики? – спросила Сана.

– Ни сном ни духом. Храпит, как бегемот.

– Спасибо. Дальше я сама, а ты обязательно отдохни.

У гостиницы «Жемчуг» имелся свой огороженный пляж с деревянными лежаками и зонтиками. Не смотря на постоянную музыку из кафе, шуршание гальки в прибрежных волнах и галдеж отдыхающих подслушивать их разговоры для Саны не составляло труда.

Толстяк-директор появился на пляже после полудня и тут же налег на пиво. Недовольная жена насканивала на него пуще прежнего и в чем-то упрекала. Тот вяло огрызался и обещал всё исправить.

– Она думает, что муж деньги спьяну потерял, – пояснила Сана для Самородова. – Взял пачку в бар и где-то выронил.

– Кайф! Наша тактика работает, – порадовался Антон. – Даже в администрацию, придурки, не заявили.

– А слезы и скандалы тебя не волнуют? – не удержалась от упрека Сана.

Антон придвинулся к жене и повторил то, что уже не раз пытался ей внушить:

– Сильные эмоции обогащают их размеренную жизнь. Не забывай, в этой шикарной гостинице отдыхают не бедные работяги, а господа – хозяева жизни. Мы забираем у них отнюдь не последнее. Уже к вечеру толстячок получит денежный перевод и будет снова сорить деньгами в баре, а для дантиста – это урок, нечего жене изменять.

Сана не стала спорить, а муж продолжал оправдываться:

– Еще месяц поработаем – и завяжем. Для нас это легкая добыча. Почти без риска.

С учетом уникальных возможностей Саны и ее брата риск действительно был небольшой. Они контролировали обстановку до и после кражи и вовремя узнавали о последствиях. Выбранная тактика – не забирать всё – тоже работала на них.

Если потерпевшие поднимали шум, то прибывшие милиционеры выражали сомнение: почему драгоценности не тронуты и часть денег осталась не месте? Обычно воры переворачивают номер вверх дном и тащат всё ценное, а у вас полный порядок. Вы бы между собой сначала разобрались, товарищи супруги, с укором советовали оперативники. И уголовное дело не заводили. Директор гостиницы уверял, что в отеле отдыхают сплошь уважаемые люди, и обещал усилить проверку на входе, чтобы не пускать посторонних.

Даже на пляже нетерпеливый Антон напоминал Сане, что они не на отдыхе, а на работе, и давал подсказки:

– Обрати внимание на молодую парочку слева через два лежака. На девчонке фирменный купальник и босоножки явно из «Березки», а у парня новенький японский двухкассетник.

Сана, не снимая шляпы с лица, отмахивалась:

– Парень на мороженное в кармане мелочь собирал, и в ресторане вечером их не было. Сам знаешь, деньги без счета у состоявшихся людей, а этому отпрыску папа выделил на отдых ограниченный бюджет.

Антон зудел на ухо:

– В нашем отеле восемьсот номеров, полторы тысячи гостей. Среди них немало тех, кто приехал гулять на широкую ногу.

– Купюры без хозяев не шелестят, вечером в гостинице послушаю, – обещала Сана и укладываясь поудобнее на лежаке. – А сейчас мы с малышом загораем.

В номере перед ужином Самородов продолжил насаждать на жену:

– Ладно, сегодня отдыхаем. Но у нас должен быть план на завтра. Нашла подходящие кандидатуры?

Собираясь в дорогой ресторан, гости залезали в потаенные загашники за деньгами и отсчитывали купюры. Сана прислушалась к огромному зданию и отметила в памяти три номера с наиболее плотными пачками: на четырнадцатом, десятом и шестом этажах. Сообщила мужу.

– Сколько у них? – заинтересовался Антон.

– Я не Санат. Только он может определить номинал купюры по характерному хрусту.

– Классно! Спроси у него за ужином.

В ресторане беременной гостье выделили столик в самом дальнем углу от небольшой возвышенности, именуемой сценой. Расстояние между Саной и музыкантами не мешало общению. В перерывах между песнями, склонившийся над синтезатором Дирижер, выслушал вопросы сестры и прошептал в ответ:

– У гостей на четырнадцатом этаже неделю назад было пятьсот рублей, сейчас осталось рублей триста. На десятом и того меньше.

Санат замолчал, и сестра ему напомнила:

– Ты не сказал про шестой.

– Шестьсот двенадцатый, двухкомнатный люкс? – нехотя уточнил брат.

– Да, шикарный номер. Гости явно с деньгами.

– Забудь про них, – отрезал Шаманов и заиграл вступление к очередной песне.

Сестра удивилась нервной реакции брата. Она восстановила в памяти голоса гостей из шестьсот двенадцатого номера, прислушалась к ресторанному гулу и безошибочно вычислила пару за стойкой бара. Теперь она могла их видеть.

Чуть захмелевший бравадный мужчина лет сорока с усами и бакенбардами был одет в голубой морской китель с четырьмя золотистыми нашивками на рукавах. Он потягивал коньяк из широкого бокала и перекидывался фразами с барменом, уважительно кивавшем гостю. Красивая рыжая девушка рядом с ним явно скучала и вертела в руке бокал с белым вином.

Сана указала взглядом на них мужу:

– Постояльцы люкса на шестом.

Антон рассмотрел парочку и сделал вывод:

– Капитан дальнего плавания в солидном звании. Дядька при деньгах, у молодой жены приличные украшения.

Пока звучали следующие песни Сана внимательно слушала разговор импозантного капитана с барменом. Моряк представлялся капитаном атомного ледокола Северного флота. Сейчас он в отпуске и наконец-то может провести время с единственной дочкой, которую из-за развода почти не видел в детстве. Рыжая красotka в красном платье с разрезом на бедре не интересовалась болтовней папаши, она ловила на себе заинтересованные мужские взгляды и кокетливо улыбалась.

– Рыжая – его дочь, – наклонившись к мужу, сообщила Сана. – Приехали на отдых сегодня.

– Классно! Надо их общипать, пока не потратились.

– Санат не советует.

– Капитан атомохода на мели? – удивился Антон.

Когда музыканты ушли на перерыв в гримерную, где они выпивали и закусывали, Санат задержался на сцене. Он практически не употреблял спиртное, потому что в состоянии опьянения, как и сестра лишался уникального дара. Клавишник делал вид, что проверяет соединение кабелей с аппаратурой, а сам тайком общался с сестрой.

Сана спросила, прикрывая губы салфеткой:

– Что с капитаном не так? Какая при нем сумма?

– Пока немного, но с каждым днем будет больше и больше.

– Не поняла, – поразилась Сана. – Отдыхающие тратят деньги. Некоторые очень быстро.

– Эти из тех, кто зарабатывают. Тоже очень быстро.

– Выкладывай подробности, – потребовала сестра.

– С ними связываться опасно, – предостерег брат.

Сана переглянулась с Антоном. Тот уже понял, что намечается жирное дельце, и нетерпеливо ерзал на стуле, готовый обсудить наводку. Сана давно убедилась, что мужа опасность не остановит. Его дерзость возрастала пропорционально возможному доходу.

И она продолжила неслышную для окружающих беседу:

– Санат, ты в курсе, через что я прошла, какие силы пытались меня убить. Неужели капитан с дочкой опаснее?

– Я музыкант, а не эксперт по безопасности.

– Всего лишь музыкант? – задела гордость брата Сана. – С твоими способностями ты мог бы стать композитором или дирижером.

– Когда-нибудь стану. А пока мне нравится играть в ресторане.

– Тогда расскажи нам, музыкант, об этой парочке.

– Я кое-что слышал, – признался Санат. – Они встречались с Хозяином.

И брат поведал о тайной беседе новых гостей с директором отеля Портновским. Сана слушала, а Антон пытался угадать ее эмоции по округлившимся глазам.

Глава 7

Капитан атомного ледокола представлялся собеседникам Вячеславом Ефремовичем. При этом кивал, протягивал руку, но не называл фамилию. Свою рыжеволосую дочь он ласково звал Танечкой или Татьяной. Впрочем, девушка и без него легко знакомясь с отдыхающими.

Утром рыжая красотка Таня вышла на пляж раньше папы, устроилась на лежаке около дорожки, выложенной из дощечек, по которой отдыхающие ходили к пляжному бару за напитками. Девушка скинула невесомое платье на соседний лежак и тщательно намазала тело солнцезащитным кремом, волей-неволей принимая соблазнительные позы.

Она загорала то попкой кверху, то грудью, скинув с плеч бретельки, и каждый проходивший рядом мужчина заглядывался на ее красивое тело. Большинство делали это украдкой, но более смелые не скрывали заинтересованной улыбки и пытались поймать ответный взгляд. Рыжая провожала их, по-кошачьи щурясь, и наблюдала насколько легко потенциальный ухажер расстаётся с деньгами в дорогом баре.

Иногда она выходила к морю и шла вдоль пляжа по щиколотку в воде в закрытом леопардовом купальнике с высоким, выше талии, вырезом бедра, отчего ее и без того стройные ножки казались умопомрачительными. Необычный купальник из валютной «Березки» выделял ее даже среди состоятельных гостей отеля. Танечка окуналась, смело ныряя в набегавшую волну, а когда выходила на берег, вытягивалась навстречу солнцу, жмурилась, кокетливо изгибалась и отжимала длинные волосы. На бронзовой коже ее ног дрожали бусинки воды.

– Классно мужиков клеит, – не удержался от похвалы Антон.

– Самцы гомо сапиенс примитивные существа, – согласилась Сана. – Летят на приманку как мотыльки на огонь.

Вечера Санат рассказал, что представительный капитан атомохода с дочерью – профессиональные карточные шулеры, известные как Капитан и Рыжая. Девушка находит клиентов, отвлекает их внимание во время игры, а Капитан передергивает карты. Сейчас они разминаются на простачах перед будущей большой игрой. Им покровительствует сам Хозяин, директор гостиницы Портновский. Он выделил им люкс и сообщил, что скоро в отель пожалует богатый игрок из Москвы.

У Самородова зачесались руки в преддверии большого куша, но Санат предупредил, что шулеров грабить опасно, они могут обратиться к бандитам, а те церемониться не станут. Однако в этот раз Сана поддержала мужа. Куда справедливее забрать деньги у мошенников, чем обворовывать отдыхающих.

На пляже к Рыжей подходили знакомиться несколько мужчин. Затеять разговор удалось двоим нахрапистым нефтяникам из Сургута, подкатившим к девушке с открытой бутылкой шампанского. Гости с Севера обгорели, но не прятались от солнца, желая черпать полной ложкой всё, что полагается на отдыхе.

– Девушка, а у вас есть такая же очаровательная сестра? А то мы с братом подеремся из-за вас, и я ему навалю, – нахально заявил старший, подсаживаясь на соседний лежак, который Татьяна заняла для отца.

Младший брат плеснул шампанское в бумажный стаканчик и протянул девушке с кокетливой бравадой:

– Я знаю сколько пузырьков в этом бокале.

Рыжая приняла стаканчик, вылила его содержимое на гальку и ответила:

– Я тоже – ни одного.

– Bravo! – воскликнул старший, ободренный благосклонной улыбкой, промелькнувшей на устах девушки. – Позвольте узнать имя самой красивой и умной барышни.

– И привередливой, – добавила Татьяна, скомкав стаканчик. – Во-первых, это не бокал, а во-вторых, шампанское пьют охлажденным. У бармена есть и то и другое. Нужно лишь уметь попросить.

Старший сверкнул очами, шелкнул пальцами, и младший брат посеменил в бар. Он вернулся с запотевшей бутылкой «Абрау-Дюрсо», тремя бокалами на подносе и порцией мороженого в креманке.

– Вы не безнадежны, – одобрила девушка и представилась: – Таня.

– Я Валера, а это мой брат Юра, – торопливо ответил старший и предложил тост: – За наше знакомство под южным солнцем!

Рыжая отпила шампанское, попробовала мороженное и вдруг на ее лице появилось озабоченное выражение:

– Вместо сестры у меня строгий папа. А вот и он. Освободите место и шампанское унесите.

– Какая досада, – расстроился Валера.

По дорожке шел Капитан в светлых шортах и кремовой рубашке. Он заметил дочь, мужчин рядом с ней и хмурился из-под козырька белой морской фуражки.

Рыжая дотронулась до руки ухажера и зашептала:

– Я знаю, как от него избавиться. Мы ужинаем в ресторане «Черный жемчуг», приходите.

– Я буду! – отчеканил Валера.

– С цветами и братом, – попросила Татьяна и виновато пожала плечами, словно не знала кого из двоих выбрать.

Вечером в ресторане Самородов наблюдал за спектаклем, который разыгрывали Капитан в безукоризненной морской форме и Рыжая в декольтированном вечернем платье. Однако больше информации получала Сана, хотя сидела спиной к исполнителям через несколько столиков от них.

Принарядившиеся нефтяники Валера и Юра явились с букетом алых роз, вежливо поздоровались и подсели к столику, за которым ужинали папа с дочкой. Их приняли сдержанно. Братья не раз пытались пригласить Татьяну на танец, но Вячеслав Ефремович строгим взглядом пресекал их попытки. Вина за столом не было. Молодежь пила яблочный сок, а Капитан крепкий чай.

Рудольф Матвеевич Портновский, заглянувший в ресторан, поздоровался с несколькими гостями отеля и особенно радушно поприветствовал капитана атомного ледокола.

Пока отец обнимался с директором гостиницы, Татьяна пожаловалась Валере:

– Как папа мне надоел. Контролирует, словно маленькую, а ведь я уже...

Девушка глубоко вздохнула, и ее грудь на добрый сантиметр приподнялась из откровенного декольте. Глаза Валеры залоснились сладким туманом, он напомнил:

– Танечка, ты же говорила, что знаешь способ.

– Есть один вариант.

Рыжая наклонилась, добавив к визуальному оружию очаровывающий аромат духов, и зашептала:

– За время долгих плаваний папа пристрастился к картам. Вот если бы вы его уговорили... Играть надо на деньги, небольшие, тогда папа входит в азарт, много пьет и засыпает. Мы его уложим и смоемся. Согласны?

– Еще спрашиваешь, красавица, – засипел приободренный нефтяник.

– Только есть условие. Папа опасается, что нарвется на шулеров, поэтому покупает новую колоду перед игрой. Карты в сувенирном на первом этаже продаются.

– Какой умный папа, – похвалил Валера.

– Пока не выпьет. Вас двое, сговоритесь и обыграйте его, с папы не убудет. Он в море девять месяцев на всем готовом, а когда сходит на берег, получает огромную зарплату.

– Как и мы после вахты, – выпятил грудь Юра и подозвал официанта, чтобы заказать две бутылки коньяка на вынос.

Вячеслав Ефремович не сразу согласился перекинуться в картишки с новыми знакомыми. Он свел брови, пригляделся и выдал вердикт:

– Я вижу, вы честные. Но карты купим новые и играть будем у меня.

– Как скажете, – согласился Валера.

По пути в номер купили карты. Киоскерша, бывшая в стоворе с шулерами, передала крапленую колоду из тех, которые Капитан заранее передал ей.

Играли в шестьсот двенадцатом люксе на шестом этаже. Сана переместилась в свой номер на пятом, и ей не требовалось напрягать слух, чтобы «видеть» происходящее.

Обольстительная девушка строила глазки и умело подпаивала нефтяников, а отцу ловко меняла полный бокал на пустой. Поначалу Капитан проигрывал, однако храбрился и азартно отыгрывался. Довольный Валера намекнул Танечке, что пора уходить, но неожиданно проиграл всё.

Капитан по-детски радовался удаче, а Рыжая, положив руку на плечо Валеры, подливала ему коньяк и нашептывала:

– Сильные мужчины не сдаются. Я люблю победителей.

– Я сильный! – ударил себя в грудь Валера и отправил брата за деньгами.

Игра продолжилась с повышенными ставками. Когда все деньги нефтяников перекочевали к Капитану, тот сгреб их в портфель, сладко зевнул и заявил:

– Стоп, машина! Хочу спать.

Пьяные братья, требовавшие продолжения игры, обозвали его слабаком и трусом. Тут уж возмутилась Рыжая, открыла дверь и крикнула:

– Не смей оскорблять моего папу! Вон отсюда!

Дежурная по этажу приняла условный сигнал и тут же позвонила куда надо. Явились двое крепких парней Миша Фомин и Артур Кармазов по кличке Медведь и Камаз. Санат предупреждал, что бывшие борцы с широкоплечими фигурами числятся в гостинице электриком и водителем, но Хозяин использует их для решения силовых проблем. Самоуверенные ребята вытолкали пьяных нефтяников из номера, спустили по лестнице и пригрозили переломать ребра, если те посмеют вякнуть.

– Четко у них организовано, – прокомментировала Сана.

– Сколько? – не терпелось узнать Антону.

– Раздели дураков на полторы тысячи.

– Класс! Когда будем брать?

– Легко сказать, их прикрывают. Надо узнать о парочке побольше.

Вскоре она услышала, как шулеры деловито поздравили друг друга, что ловко хлопнули простаков. А затем они пошли в душ.

– Да они любовники! – воскликнула Сана, слушая, что вытворяют под душем, а затем и в постели так называемые «папа и дочка».

– Ничего себе! И что же они делают? Расскажи, – заинтересовался Антон.

Его возбуждало, когда Сана описывала детали постельных сцен в том или ином номере отеля или соседнем доме. Порой они разнообразили семейную жизнь подобными играми. В такие моменты их интимная связь приобретала особо пикантный характер.

Антон поцеловал жену сзади в шею и обнял руками за грудь.

– Ты еще не заслужил, – избавилась от объятий Сана.

Следующим утром она услышала, как Капитан отсчитал часть выигрыша, а оставшиеся деньги спрятал в матерчатый тайник, пришитый снизу к мягкому креслу. Он позвонил в кабинет директора гостиницы на девятнадцатый этаж.

Она подслушала разговор и сообщила Антону:

- Капитан отдает Хозяину четверть выигрыша. Собирается нести дань сейчас.
- Отличный шанс! Рыжая останется одна, – засуетился Антон. – Где они прячут деньги?
- Под креслом, которое ближе к окну.
- Отправь куда-нибудь дежурную по этажу и вымани Рыжую из номера. Я всё сделаю.

С дежурной было просто. Сана позвонила ей, якобы из бухгалтерии, и потребовала срочно сдать отчетность по моющим средствам и туалетной бумаге. С Рыжей дешевый фокус не прокатит, ушлая мошенница всегда начеку и доверяет только напарнику.

Сане пришлось изобразить голос Капитана:

– Танечка, поднимись к Хозяину. Он сомневается в сумме. Думает, что хрустов у нефтяников было больше.

– Лучше бы жирных лохов подгонял, чем за наш счет наживаться.

– Вот об этом ему и скажешь.

– Еще как скажу! – пообещала красотка.

Татьяна вышла из номера и направилась к лифту. Антон в это время поднялся на шестой этаж, затаился при выходе с лестницы и ждал, когда дежурная уйдет в бухгалтерию. Но та продолжала копаться в бумагах.

Сана слушала, как лифт с Рыжей поднимается на верхний этаж. Вскоре она встретится с Капитаном, узнает, что тот ее не звал, и поспешит обратно. Их план сорвется.

Сана еще раз позвонила дежурной и наорала на нее грозным голосом главбуха:

– Галя, все уже сдали отчетность, ты последняя. Мигом ко мне!

Испуганная женщина, как назло, выронила бумаги, неловко их собрала и засемила рысцой по коридору. В отличие от нее Антон не мог спешить, чтобы не вызвать подозрение. Он спокойным шагом прошел к столику дежурной за мастер-ключом. Потерял еще полминуты пока искал ключ в бардаке выдвижного ящика. Сделал вид, что читает правила на стене, пока пара гостей прошла в свой номер, и лишь затем направился к заветной двери люкса.

А Рыжая за это время уже побывала в кабинете директора, где Капитан обсуждал с Хозяином планы на сегодняшний вечер. Девушка поняла, что недоразумение исчерпано, ее присутствие не требуется, и вызвала лифт, чтобы спуститься вниз.

Сана слушала, как загудел вызванный лифт. Если лифт придет быстро, Рыжая может столкнуться с Антоном в дверях своего номера. А лифт уже подъезжает. Это провал!

Сана выскочила из номера и побежала вверх по лестнице. По пути она слушала, как Антон возится в номере, а лифт отсчитывает этажи сверху вниз. Рыжая спустилась на шестой этаж в тот момент, когда Антон покидал ее номер с деньгами в оттопыренных карманах.

Раздвинулись створки лифта, и подоспевшая Сана, охнув, стала заваливаться внутрь. Татьяна успела подхватить беременную и выразила беспокойство:

– Что с вами?

Сане не требовалось изображать сбивчивое дыхание и слабость, после рывка по лестнице у нее действительно кружилась голова. Она слушала, что происходит за спиной и загораживала обзор Рыжей. Вот Антон подошел к столику дежурной, выдвинул ящик, опустил ключ. Развернулся, направился к другому концу коридора на пожарную лестницу.

– Душно здесь. Чуть не свалилась, – оправдывалась Сана, придерживая живот. – Спасибо вам. Мне уже лучше.

Татьяна понимающе улыбнулась.

Санат в это время спешил из примерки сестре на помощь. На этот раз повезло, убедился он и остановился. О том, что везение рано или поздно закончится, не хотелось и думать.

Пропажу денег карточные каталы заметили после обеда, когда Рыжая собралась съездить к фарцовщикам за новым купальником. Под креслом в тайнике оказалось только пятьдесят рублей.

Капитан недоверчиво косился на напарницу:

– О тайнике знали только мы. Ты оставалась с деньгами, пока я ходил к Хозяину.

– Какого лешего ты вызвал меня, если у Хозяина претензий не было. Не в этот ли момент твой сообщник украл наши деньги?

– Ты сама приперлась, я не звонил!

– Еще скажи, что у меня глюки. Куда, по-твоему, я дела деньги?

– Может, нефтяники хапнули? – задумался Капитан. – Вчера их грубо отшили, и они разозлились. Надо спросить дежурную.

Но дежурная по этажу хлопала глазами и твердила, что подозрительных людей не заметила.

Каталы обыскали свой номер, включая одежду друг друга. Денег не нашли, взаимное подозрение не рассеялось.

Капитан выплеснул злость через грубый мат и первым взял себя в руки:

– Не будем собачиться, в нашем деле всякое бывает. Хлопнем жирного лоха – и снова будем с деньгами. Сегодня в ресторане большой банкет, весь цвет подпольных производителей ожидается. Хозяин обещал свести с богатыми цеховиками.

Последняя фраза заинтересовала Антона, которому Сана пересказала разговор.

– Я позабочусь, чтобы мы попали на ужин, – решил он, хотя еще во время завтрака их предупредили, что вечером ресторан закрыт на спецобслуживание.

Глава 8

Санату Шаманову, как самому молодому музыканту в группе, поручили доставить концертные костюмы из химчистки. Он нес проволочные вешалки на вытянутых руках, чтобы костюмы не помялись, и, войдя в гримерку, с облегчением раздал их коллегам. В гримерной были все кроме руководителя группы Сергея Ковалья.

– Дирижер, Серега скоро? – спросил ударник Сашка Смирнов, по прозвищу Смирный.

Коллеги знали умение Дирижера предугадывать появление того или иного человека, но понятия не имели, как ему это удается. Санат слышал шаги Ковалья, входившего в этот момент в гостиницу, но ответил уклончиво:

– Коваль не опоздает.

– Рискнул бы в такой вечер, – усмехнулся бас-гитарист Борис Романов, исполнявший лирическим баритоном любовные песни.

Директор гостиницы заранее предупредил Ковалья, что сегодня в ресторане заказал банкет очень уважаемый человек, поэтому внешний вид группы должен быть безупречным. Сказано – сделано. В химчистке привели в порядок концертные костюмы, в ателье заказали новые сорочки с вышивкой на груди.

– Всем привет! – гаркнул Коваль, ворвавшись в комнату, и вывалил на стол пять бумажных свертков. – Разбираем рубашки, переодеваемся и на сцену.

– Горло смажем? – предложил трубач Андрей Ильченко, демонстрируя бутылку коньяка.

– По рюмашке можно, – согласился Коваль.

В этот вечер ресторан «Черная жемчужина» был закрыт на спецобслуживание. В центре зала накрыли большой Т-образный стол. Еще несколько столиков по краям зала оставили для почетных гостей отеля.

Группа «Ночной шторм» заняла место на сцене перед началом мероприятия. Пока Хозяин отеля встречал гостей, ансамбль создавал лирический музыкальный фон.

Игра на синтезаторе не мешала Санату слышать любой разговор в ресторане. Он обратил внимание, что рядом с Портновским вертится шулер в наглаженной морской форме. Директор гостиницы знакомил Капитана с избранными гостями, те уважительно кивали.

– Вы не представляете какой махиной управляет, Вячеслав Ефремович! – неизменно восклицал Портновский.

После этих слов мошенник демонстрировал фотографию, где он идет по причалу Мурманского порта на фоне громадины атомного ледокола.

Завязывалась беседа. Одиноких мужчин Капитан знакомил со своей рыжеволосой дочкой Татьяной. Девушка одаривала всех обещающей улыбкой. Гости были в восторге от ее черного облегающего платья с открытой спиной.

В ресторан вошел крупный лысоватый мужчина с орлиным профилем. Он был в белом костюме, белой сорочке с бордовым галстуком и явился в сопровождении двух молодых людей кавказкой внешности. Портновский с особым почтением встретил гостя и указал на центральные места за главным столом, но тот не спешил садиться. К нему подходили здороваться ранее прибывшие гости.

Капитан на ухо спросил Хозяина:

– Важная птица? Его можно хлопнуть?

– Ты что! – зашипел Портновский. – Это наш Бог – Беридзе Отар Гурамович. Директор автотехцентра «Южный», где продают и ремонтируют «Жигули». Большой авторитетный человек. С ним все считаются: и партработники, и цеховики, и блатные. Это он заказал банкет.

– А парни рядом с ним?

– Его племянники Георгий и Ираклий Давиташвили. Росли без отца, Беридзе их воспитал. Они помогают Богу в рискованных делах. Их тоже не трогай.

– Тогда нам бы жирного цеховика.

– А я тебя для чего знакомлю? Гулянка пойдет, народ напьется, и пусть Рыжая вертится. Тут самые толстые кошельки побережья.

Одной из последних в зале появилась статная грузинка в черном вечернем платье, отделанным белым кружевом. Она вела под руку стройную молодую девушку в красном платье на бретельках с жемчужным ожерельем на груди. Портновский ринулся им навстречу, а Беридзе картинно расставил руки.

По шепоту гостей Санат узнал, что это жена Отара Гурамовича, Нана Ревазовна, и их дочь Лия. Девушка только что окончила Московскую консерваторию и прилетела домой. Она главная виновница сегодняшнего торжества, празднуется ее день рождения.

Беридзе со словами «моя красавица» обнял Лию, представил гостям и усадил по правую руку от себя. Задвигались стулья, гости расселись вокруг большого стола, и начался торжественный ужин.

Подружка Саната официантка Лана обслуживала торцевую часть стола, где расположилась семья Беридзе и самые важные гости. На ее лице читалось недовольство: хлопот много, а вместо чаевых получишь разве что замечания от Хозяина, который сидит тут же и всё подмечает.

Зазвенели бокалы, застучали столовые приборы, музыканты перешли к обычному ресторанному репертуару. После каждой песни звучали тосты гостей. Присутствующие высказывали уважение Отару Гурамовичу, его семье, поздравляли Лию с днем рождения и преподносили девушке подарки. Подпольные дельцы дарили лучшие образцы своего производства. На отдельный стол складывались коробки с шубой, одеждой, обувью, ювелирными украшениями, нарядными аксессуарами, которые дополнялись денежными пакетами цеховиков, производивших дефицитную мелочевку.

Главные гости располагались лицом к небольшой сцене, на которой выступали музыканты. Лию обременяло всеобщее внимание, да и подарки девушку не радовали. Чтобы оценить ее настроение Санату не требовалось видеть ее лица. Он слышал ее вздохи, отдельные реплики, вынужденные слова благодарности.

Когда публика разогрелась спиртным, начались танцы. В ход пошли громкие ритмичные песни. К этому моменту музыканты, воспользовавшись перерывом, накатили как следует и захмелели не меньше гостей. Только Санат оставался трезвым.

Он слышал, как Коваль, пытаясь импровизировать, пропускает аккорды, трубач не вытягивает долгие ноты, поющий бас-гитарист глотает слова, а вошедший в раж ударник совершенно не к месту «вываливает ведро картошки на барабаны». Однако ресторан не филармония, развеселившаяся публика не замечала огрехов.

Неожиданно среди ресторанного гомона Санат уловил женскую фразу: «Пьяный балаган. Только один играет чисто». Грустная именинница выдохнула горькую иронию тихо, словно озвучила собственные мысли. Он посмотрел на девушку и виновато поджал губы. Они обменялись понимающими взглядами.

Перед следующей песней Санат убавил на усилителе громкость гитар, отключил микрофон осипшему Борису, подключил свой, а Смирному за ударными приказал не скакать впереди паровоза. Изрядно выпивший Коваль не возразил. Он знал, что в ответственный момент Дирижер исправит ситуацию.

Пальцы Саната пробежались по клавишам, чистые ноты разлетелись по залу. Дирижер наклонился к микрофону и начал исполнять песню Пугачевой «Маэстро». Он играл основную партию, сознательно заглушая коллег, и когда пропел: «Пусть мы далеки, как «да» и «нет», и

рампы свет нас разлучает, но у нас одна, да-да, одна святая к музыке любовь», поймал одоб- рительный взгляд Лии.

Допеть ему не дали. Из-за стола поднялся Беридзе и по-хозяйски постучал вилкой по бокалу. Гости смолкли. Санат прервал песню.

Отар Гурамович взял слово:

– Я напомню тем, кто позабыл. Моя дорогая любимая дочь Лия с детства побеждала в музыкальных конкурсах. Не по благу, как некоторые думают, а потому что талантлива и трудолюбива. Да-да! Я пальцем не шевельнул, а она приносила домой грамоты и призы! А потом, вдруг, Лия выросла. Я не хотел, чтобы она уезжала из дома, но дочь у меня с характером, моим характером! – с нажимом завершил тираду Беридзе, и гости понимающе загудели.

Отар Гурамович поднял указательный палец и потряс рукой:

– Наша умница Лия сама, без моей помощи, поступила в Московскую консерваторию и в этом году ее успешно закончила. Кто-нибудь из вас учился в консерватории?

Беридзе обвел взглядом присутствующих, включая музыкантов. Все отрицательно пока- чали головой или скромно потупили взоры. Бог усмехнулся и продолжил:

– А моя девочка смогла! Потому что она не кто-нибудь, а Лия Беридзе!

Раздались аплодисменты. Беридзе выждал минуту и остановил шум растопыренной ладо- нью.

– Я знаю мечту своей дочери, и готов ее сейчас исполнить.

Он кивнул племянникам, те достали что-то из большой сумки. Собравшиеся увидели футляр для скрипки. Отар Гурамович поднял его над головой:

– Это самая новая, самая лучшая электроскрипка «Ямаха». Японская. Трудно было ее достать, но для любимой дочери нет ничего невозможного. Инструмент твой, Лия.

Девушка вскочила из-за стола, ее глаза сияли от счастья. Она приняла подарок, уложила поверх горы нераспакованных коробок и тут же достала необычный инструмент из футляра. Ее улыбка стала шире. У скрипки не было привычного деревянного корпуса, по форме она напоминала скрипичный ключ, сделанный из яркого пластика и металла. Инструмент был пол- ностью укомплектован, имелся мостик на плечо и подбородник.

Лия насладилась видом электроскрипки, положила ее на плечо, прижалась щекой, лас- ково погладила изгибы корпуса.

– А меня? – картинно надул губы довольный собой отец.

Лия порхнула к папе, чмокнула его в щеку. Предусмотрительная мама протянула дочери смычок. Лия подпрыгнула от радости и попросила:

– Хочу попробовать инструмент. Сейчас!

Портновский среагировал первым:

– Разумеется. Не вопрос! У нас отличная аппаратура, ребята подключат.

Лия робко вошла на сцену. Санат никогда не видел электроскрипку, но быстро сообра- зил, что требуется. Он вынул штекер из бас-гитары и подключил скрипку к усилителю. Лия подергала струны, настроила инструмент и провела смычком.

– Что будем играть? – снисходительно спросил Коваль.

За окнами ресторана сверкнула молния, прокатились раскаты грома. Новая вспышка отразилась в черных глазах девушки. Она положила инструмент на плечо и объявила:

– Вивальди. Времена года. Летняя гроза.

Коваль смутился. Шаманов не помнил такого названия, но был уверен, что узнает мело- дию с первых тактов, если хоть раз ее слышал. Он кивнул девушке, и та заиграла.

Первые тревожные ноты заставили гостей взглянуть на буйство стихии за окнами. После- дующие звуки прорезали зал, как вспышки молнии. Темп нарастал, пронзительное звучание скрипки колело собравшихся такими нервными импульсами, которые не причиняли боль, а

дали томительное наслаждение. Лия полностью отдалась музыке и играла с неистовой энергией, словно сама была подключена к электроток.

Мелодия ожила в памяти Саната. Он стал подыгрывать, добавляя сочности электронной музыке, но не подавляя скрипку. Лия скользила по нервным импульсам мелодии подобно молнии, а он наполнял звучание наэлектризованным воздухом.

Оттесненный со сцены басист первым сложил гитару и направился в гримерную. За ним потянулись остальные музыканты. Ресторанный опыт не годился для классической музыки. На сцене остались только Лия и Санат. Пара играла виртуозно и вдохновенно. Они словно убрали стены ресторана и аккомпанировали бушующей природе. Гости позабыли о трапезе, глядели на неистовую девушку в красном платье, а видели летнюю грозу и чувствовали освежающий воздух.

На последней ноте Лия потрянула волосами и склонила голову. Если бы она исполнила детсадовскую песенку гости всё равно бы аплодировали дочери уважаемого человека. Но тут возникла пауза, и лишь спустя несколько мгновений раздались искренние возгласы восторга.

– Девчонка зажигает, – уважительно прокомментировал Самородов.

Он добился, чтобы ему с беременной женой, как ведущему кинооператору «Мосфильма», выделили столик в углу ресторана.

Александра уловила, какими словами Лия поблагодарила Саната:

– Классно получилось! Ты идеальный партнер.

Сестра внимательно посмотрела на брата. Обычно сдержанный Санат не смог сдержать счастливую улыбку и скромно потупился.

– Погнали дальше! – решила именинница.

Лия озорно сверкнула глазами и коснулась смычком струн. Она заиграла мелодию песни «Куда уходит детство». Санат подхватил. Слов не требовалось. Лия погрузилась в музыку, что-то вспоминала и пританцовывала. Под вечерним платьем и дорогими украшениями угадывалась веселая девчонка, которая прощается с собственным детством.

На этот раз мелодия была понятна гостям. Они расслабились, зазвенели бокалами, загремели вилками. Некоторые откровенно разглядывали гибкое подвижное тело Лии под тонким платьем и цокали языком: «Знатная невеста». Беридзе слышал похвалу и одобрительно кивал.

Третью мелодию Лия посвятила папе и гостям. Она выбрала широко известную песню группы «АВВА» «Money, Money, Money». Лица собравшихся озаарились пьяными улыбками. Из всей композиции они понимали единственное слово и подпевали в пьяном кураже: деньги, деньги, деньги!

Выступление закончилось на «ура»! Лия хотела продолжить, но отец увел девушку со сцены. Она успела шепнуть Санату, что завтра хочет отрепетировать несколько мелодий, и принесет ноты. От счастья он проглотил ответные слова и только кивнул – угу.

Группа «Ночной шторм» вернулась к обычному ресторанному репертуару. Дирижер не хотел расставаться со скрипачкой, его слух был нацелен на нее. Он слышал, как Беридзе знакомит Лию с модно одетыми молодыми людьми, предварительно сообщая, чем зарабатывают их отцы. И только тут Санат догадался, что день рождения Лии – это повод представить красавицу дочь перспективным женихам.

Особенно Отар Гурамович расхваливал дочке семью Надеиных: оборотистого дельца Илью Осиповича и его старшего сына Аркадия.

– У Надеина нюх на новое и перспективное. Делает за копейку, продает за рубль. Сначала пакеты пластиковые штамповал, не хуже заграничных, а когда конкуренты подтянулись, наладил производство ажурных пластиковых балеток. И сбыт у него на зависть. Завалил ими всё побережье! Только представь, я с «жигулей» меньше имею, чем Надеин с разноцветных балеток. Сейчас тебя с Аркадием познакомлю.

Кучерявый очкарик Аркадий Надеин пригласил Лию на медленный танец. Он признался, что в детстве его тоже заставляли играть на скрипке, но увлечение химией принесло больше пользы семье. Парень бубнил что-то про полимеры и яркие красители, а Лия через его плечо смотрела на Саната. Ее озорной взгляд выражал сочувствие, что клавишнику приходится то и дело исправлять огрехи пьяных партнеров.

Впрочем, пьяными были все, кроме тех, кто пришел в ресторан работать. Карточные шулеры практически не пили. Обаятельная рыжая бестия ловко охмурила цеховика по ювелирным изделиям Артура Мовсисяна и уговорила его перекинуться со строгим папой в картишки, чтобы тот быстрее заснул.

Они ушли. Капитан рассказывал ювелиру про суровую Арктику, а тот пялился на голую спину впередиидущей красотки, желая проникнуть взглядом ниже.

Чета Самородовых покинула ресторан вслед за шулерами. Сана из номера проконтролирует, как быстро карточные каталы облапошат наивного ювелира.

Официантка Лана с трудом скрывала раздражение. Ох, уж эти банкеты: устала, как собака, а вместо чаевых хлопки по ягодицам и неприличные предложения. И у Саната порожняк, а он доволен, как мальчишка, увидевший салют. И ясно из-за чего – на виновницу торжества засмотрелся, красивую богатую скрипачку. Ну и дурак – не его поля ягодка!

Лана ему прямо заявила после банкета:

– Посмотрел на грузинку – забудь! А то ни журавля в небе, ни синицы в руках.

Умно сформулировала, самой понравилось. Она поправила тесемку лифчика и ушла, вихляя бедрами. Пусть помнит, что ее ласку надо заслужить.

Глава 9

На следующий день Санат Шаманов проснулся с мыслями о скрипачке Лие. Он не вспоминал ее грациозную фигуру, открытые плечи или стройные лодыжки. В его голове был музыкальный образ девушки, как нечто порывистое, волнующее и притягательное.

Санат только сейчас понял, что не сказал ей ни слова. Обычно он непроизвольно подбирал тембр и интонацию, необходимую для разговора в конкретной ситуации. Поэтому коллеги ему доверяли, руководство считало исполнительным, а пьяные посетители подчинялись ненавязчивой силе убеждения.

Бликие отношения с девушкой у него завязались только с официанткой Светланой. И то по ее инициативе. С ней было достаточно делиться деньгами и выразить оптимизм на счет совместного будущего.

Скрипачка Лия ворвалась в его жизнь подобно летней грозе. Она притягивала и пугала. Вечера он сливался с ней в совместной мелодии и отдалялся, видя ее в компании самоуверенных дельцов. Он жаждал снова соединиться с ней в музыке.

Лия назначила ему репетицию, но не сказала во сколько. А вдруг она придет утром и не застанет его? Шаманов покинул дом, даже не позавтракав, и помчался в гостиницу «Жемчуг».

Не находя себе место в прокуренной гримерной, Санат бродил из ресторана в холл отеля, прислушивался к подъездным дорожкам и близлежащим улицам и корил себя за то, что не проследил вчера звуковой след девушки, уехавшей из ресторана.

Чтобы не свихнуться от пустого ожидания, он плюхнулся в кресло и переключился на сестру. Слух проник в ее комнату.

Вот Сана проснулась, и Антон сразу пристал к жене с вопросами:

– Как дела у Капитана с Рыжей? Сколько взяли у ювелира?

– Они спят, – ответила сестра, прислушавшись к шестьсот двенадцатому номеру.

Значит, Сана не дождалась окончания игры, утомилась и уснула. Но не трудно догадаться о стандартной разводке карточных шулеров.

Скорее всего ювелир Мовсисян оказался азартным игроком. Первоначальный легкий выигрыш вскружил цеховику голову, и настоящая страсть – деньги, отодвинула на задний план мыслишки о женских прелестях. Капитан ловко играл на его слабостях, чередовал свои маленькие выигрыши с обидными проигрышами и выкладывал на стол новые купюры. Рыжая подливала коньяк обоим, но пил только вошедший в раж армянин. Девушка подбадривала его лестью и нашептывала, что он неподражаем.

Игра затянулась, и удача отвернулась от дельца. Ему казалось, что это досадное недоразумение. Оставшийся без денег Мовсисян написал долговую расписку и сыграл ва-банк. Разумеется, он крупно проиграл, и шулеры вынудили цеховика съездить за деньгами. В сопровождающие Капитан взял Медведя и Камаза. Парням нравились их клички – сильное животное и мощная машина. Они продемонстрировали силу и мощь Мовсисяну, и Капитан быстро получил выигрыш. Шулер вернулся в номер и сейчас отдыхал после несправедливых трудов.

Беременная Сана осталась в номере, чтобы контролировать поведение криминальной парочки. А Дирижер мысленно наигрывал мелодии, которые мог бы исполнить вместе с Лией.

Капитан и Рыжая проснулись в середине дня и заказали еду в номер.

– Когда они свалят на пляж? – злился Антон.

– После того, как Капитан отнесет деньги в сберкассу, – сообщила Сана, подслушав разговор.

– Что? Катала сдаст выигрыш в банк?

– Так надежнее, чем хранить в гостинице. Это его слова, – пересказывала Сана. – Он спорит с Рыжей, девчонка не хочет светить бабло. Ругаются. Но Капитан настаивает. Говорит, пойдет в морской форме. Никто не подумает, что он мошенник.

– Если деньги окажутся в сберкассе, нам их не выдать. Надо взять Капитана по пути.

– Как? Ударить по голове? – выпучила глаза Сана.

– Мы не бандиты, – согласился Антон, заметался по комнате и вдруг остановился: – А если подключить Саната? Где он? Попроси.

Санат слышал их разговор. Он подождал, когда Сана настроится на его волну и признался:

– Сестренка, я в ресторане. Но не могу отойти, жду человека.

– Красивую скрипачку? – догадалась сестра.

– Она хотела репетировать со мной, – нехотя признался брат.

К уговорам подключился Антон:

– Шаманов, помоги, ведь ты обещал. Мы последний месяц работаем. И всё! Завяжем. Без тебя мы с Капитаном не справимся.

Санат молчал, его душу наполняло необычное звучание электроскрипки. Он жаждал вновь сопровождать Лие.

– Ты уверен, что Лия Беридзе придет к тебе? – спросила сестра. – К ней липли такие парни.

Сана задела потаенные струны боли в его душе. Сомнения и так терзали Саната, а тут прямой укол в сердцевину надежды. Кто он – ресторанный музыкант без образования, а девушка его мечты – выпускница Московской консерватории из влиятельной семьи. Душевная боль породила раздражение, раздражение переросло в злость, а злость требовала выхода.

– Я вырублю Капитана! – пообещал Дирижер. – Дальше сами.

День был жарким, южное солнце палило нещадно. Капитан вышел из гостиницы в плотном фирменном кителе с деловым портфелем в руке. Напарница, недовольная его решением, осталась в номере.

По пятам за шулером двигался Санат. Он злился на себя, на весь мир, на Капитана и исторгал внутреннюю злость в виде низкого шипения, которое постепенно опускалось в диапазон неразличимых звуковых волн.

Еще в детстве Санат открыл для себя, что настроение и голос взаимосвязаны: радость человек выражает высоким голосом, а грусть низким. И наоборот, высотой голоса можно повлиять на настроение людей. Этот закон имеет широкую интерпретацию. Положительные эмоции ассоциируются с высотой, что подтверждают слова: душевный подъем, приподнятое настроение, парить от радости. А отрицательные – с глубиной: как в воду опущенный, подавленный, сломленный. Тело также отражает настроение: опущенные плечи и согнутые колени – это грусть, а в радости наоборот – хочется бежать и прыгать.

Природный дар позволял Дирижеру воспроизводить сверхнизкие колебания – инфразвук. Именно такими волнами он давил сейчас на Капитана, скатывая жертву по душевному склону с отметками – грусть, тревога, страх, ужас, кошмар.

До ближайшей сберкасы было не более километра, но с первых шагов Вячеслав Ефремович почувствовал жажду. Остановиться попить? Нет, не стоит, решил он, сначала закончить дело. Синтетическая рубашка и туго затянутый галстук провоцировали пот и затрудняли дыхание. Капитан чувствовал нарастающую головную боль.

Издержки профессии, успокаивал он себя. Полночи за карточным столом не шутка. Надо ежеминутно контролировать процесс, знать, где какая карта, следить за психологическим состоянием противника, и при этом выпивать и выглядеть расслабленным. А потом еще суметь получить с противника выигрыш, что всегда связано с нервами и опасностью. Но ничего, игра того стоила, в руках приятная тяжесть денежных знаков.

А в голове тяжелело неприятно, словно в черепной коробке расплывался горячий свинец. Полпути Капитан прошагал по солнечной улице, проклиная южную духоту. За поворотом должна быть тень, успокаивал он себя, там станет легче, а в сберкассе можно будет присесть.

Он свернул на тихую улочку, но долгожданная тень не принесла облегчения. Наоборот, тяжелое дыхание и неровное сердцебиение усилилось страхом. На затылок давило, в груди нарастала болезненная вибрация. Он обернулся и увидел за собой странного парня с безмолвно раскрытым ртом и напряженной шеей. Шарахнулся от него, хотел перейти на другую сторону улицы, однако ноги предательски отказали. Темное облако навалилось на Капитана и придавило к земле. Он выронил портфель и потерял сознание.

Дирижер перешагнул через поверженного противника и скрылся.

В ту же минуту к упавшему человеку подъехала белая «пятерка». Самародов выскочил из машины, намереваясь забрать портфель. Деньги готова была принять беременная супруга на заднем сиденье. Но помешала случайная прохожая, сердобольная женщина средних лет с дурацким вопросом:

– Что случилось?

Самородов изобразил врача, оказывающего первую помощь, и приказал:

– Быстрее воды! Там за углом есть автомат. Ну же!

Женщина поспешила, а когда вернулась со стаканом воды ни врача, ни портфеля рядом с человеком в морской форме уже не было.

Дирижер с параллельной улицы контролировал ход событий.

Самородовы благополучно умчались с добычей. Капитан постепенно пришел в себя и поплелся в гостиницу, не понимая толком, что с ним произошло – несчастный случай или ограбление?

Если ему стало плохо и деньги прихватил случайный прохожий – ищи-свищи ветра в поле. А вдруг это ограбление? Только Рыжая знала, что он понесет деньги в сберкассу, только она могла дать наводку. Она девка наглая изобретательная, от такой напарницы чего угодно можно ожидать.

– Что с тобой, Слава? – спросила Татьяна, увидев понурого Капитана, вошедшего в номер. – У тебя китель в пыли.

Тот зыркнул на нее недоверчиво и зло выдавил:

– Упал.

– Как упал?

– А вот так! Отключился и ни черта не помню. Твоих рук дело?

– Что ты несешь? Где деньги?

– У меня башка трещит. Почему ты не пошла со мной?

– Потому что идиотизм сдавать бабки государству. Ты сам сказал, сиди в номере, чтобы долю Хозяина не свистнули. Я-то с деньгами. А где твой портфель?

Татьяна потрясла пачкой, завернутой в газету. Капитан тяжело поднялся, сунул пачку в карман кителя и кивнул:

– Идем к Рудольфу. Пусть он нас рассудит.

В кабинете директора гостиницы на девятнадцатом этаже работал кондиционер, встроенный в окно. Капитан встал на пути струи холодного воздуха и рассказал, что произошло с ним.

Портновский укоризненно качал головой:

– Ты на градусник смотрел? Одеваться надо по погоде. Бессонная ночь, выпивка, жара – вот и результат! От теплового удара люди в больницу попадают.

– Никогда со мной такого не было.

– Здоровья с годами не прибавляется, ты уже не мальчик.

– Что нам делать? В портфеле были почти все наши деньги.

– В милицию заявите, – съязвил Портновский. – Рыжая права, не хрен деньги в банк тащить.

– Забыл, что из номера украли.

– И в номере держать не дело, – согласился директор.

Он покрутил головой, остановил взгляд на большом сейфе и предложил:

– Вот как поступим. Теперь каждый выигрыш будете сдавать мне на хранение. Обратное получите перед выездом. Ключ от сейфа только у меня. А приносить деньги будете в сопровождении моих ребят – Медведя и Камаза.

Возражений не последовало, и Портновский поднял телефонную трубку:

– Сейчас я их вызову. Покажешь парням место, где шлепнулся. Пусть пошустрят там. Вдруг, кто чего заметил. Портфель не бумажник, в карман не сунешь.

– А сегодня на что играть? – спросила Рыжая.

– Возьмите мою долю. – Портновский двинул обратно принесенный шулерами сверток и предупредил: – Даю в долг!

Глава 10

Шаманов лежал в гримерной на старом промятом диване. Он сосредоточил слух на происходившем в директорском кабинете.

Кажется, дерзкое ограбление на улице прошло гладко. Ни ему, ни сестре с мужем нечего опасаться. Капитан не запомнил деталей обморока и постепенно свыкается с мыслью, что его подвело здоровье. Но с каждым разом карточные мошенники будут осторожнее. С сегодняшнего дня выигранные деньги перестанут хранить в номере, их перенесут в сейф под охраной костоломов. Вывод один – надо прекратить охоту на шулеров. Он предупреждал, что связываться с ними опасно и теперь риск возрастет многократно.

Усталость после ограбления сменилась недовольством. Как вразумить неугомонного Самородова? Когда он остановится? Видно правду говорят – аппетит приходит во время еды, денег много не бывает.

Тревожные мысли мешали Санату концентрировать внимание на окружающем пространстве. Он забыл, зачем с утра примчался в гостиницу и услышал долгожданные шаги только, когда Лия Беридзе подошла к гримерной.

В дверь постучали. Санат вскочил и распахнул дверцу, чуть не сбив девушку. Лия удивленно охнула, защищая рукой футляр со скрипкой. Он покраснел.

Она смущенно призналась:

– Помните, вчера... Я раньше не смогла приехать.

Санат разглядывал девушку и молчал. Без вечернего платья, в белой юбке в мелкую складку и красной блузке, с растрепанной челкой и задорным хвостиком вместо гладко уложенных волос, в балетках вместо туфель на каблуках, она выглядела своейской девчонкой.

Переминаясь на пороге, Лия спросила:

– Я слышала, вас называют Дирижер. Вы где учились?

– Нигде, – односложно ответил Санат.

– Странно. А почему такое прозвище?

Санат пожал плечами.

– А я закончила консерваторию в Москве. – Девушка приподняла футляр со скрипкой и напомнила: – Мы договаривались репетировать.

Санат сообразил, что загораживает проход, шагнул в сторону и жестом пригласил девушку в гримерную. Она заглянула в тесную неухоженную комнату и смущенно сказала:

– Нужен усилитель.

– Да, конечно, – спохватился он. – Пойдем на сцену. До ужина у нас есть время.

Это была его первая сознательная фраза, обращенная к девушке-скрипачке. Он разобрался в своих чувствах к ней. Помимо того, что он в восторге от ее игры на скрипке, ему нравится, когда она находится рядом, разговаривает с ним, смотрит в глаза и смущенно улыбается.

Санат еще в юности познал возможности своего голоса. Меняя тембр, он мог предстать перед собеседником приятным, полезным, умным и даже соблазнительным человеком. Сейчас он произвольно выбрал дружеский тон. Так разговаривают старые друзья, которые долго не виделись. Одна-две фразы – и будто бы не было разлуки.

– Если честно, я ждал тебя и задремал, – признался он.

– Я не смогла раньше.

– Ты что планируешь играть? – спросил он.

– Популярную классику и современные песни попробовать хочется. У электроскрипки особое звучание. С ней можно всё! Или почти всё, если ты подыграешь.

Лия не заметила, что тоже перешла на «ты». Голос Саната располагал к доверию.

В ресторане был санитарный час перед ужином. Официантки, в числе которых была и Светлана Ломакина, накрывали столы чистыми скатертями, расставляли приборы, ровняли стулья.

Санат подключил электроскрипку и синтезатор, проверил звучание беглым перебором клавиш и вопросительно взглянул на Лию. Девушка протянула ему ноты и предложила:

– Давай попробуем Каприс № 24 Погодини?

Скрипка легла на ее плечо, смычок коснулся струн. Она заиграла первые сольные ноты. Сначала робко, словно ступая в незнакомую реку. Первые ноты придали ей уверенности, скрипачка стрельнула глазами в партнера, требуя поддержки, и заиграла во всю мощь. Звуки скрипки, усиленные аппаратурой, пронзали пространство, дробились о люстры и трогали дрожью стекло бокалов.

Санат дал девушке время продемонстрировать мастерство и начал аккомпанировать. Музыка стала объемной, насыщенной и словно уплотнила воздух в ресторане. Дирижер не отвлекался на ноты. Он смотрел только на Лию, наслаждаясь видом пританцовывающей девушки, визуальным воплощением экспрессивной музыки. И блаженно улыбался.

Его внимание не укрылось от Ланы. Она обиделась. Ее парень смотрел на скрипачку так, как никогда не смотрел на нее!

После исполнения сложной композиции Лия шагнула к Санату и со смешливым укором заметила:

– Эй, Дирижер, не может быть, что ты нигде не учился. Не обманывай меня!

Санат решил, что правда будет выглядеть менее правдоподобно чем ложь, и придумал на ходу:

– В музыкальной школе, но не закончил.

– Слушай. А мы ведь так и не познакомились.

– Санат Шаманов, – представился музыкант. – А твое имя, Лия Беридзе, я слышал вчера десятки раз.

– Я не хотела пышного застолья. Папа настоял.

– Зато с подарком он угадал.

– Мама нашептала. Она любит музыку и меня прекрасно понимает.

Дуэт музыкантов сыграл несколько популярных песен. Лия начинала, а Санат подхватывал. Ей не нужно было объявлять номер, он узнавал мелодию с первых нот. Девушка смело импровизировала, Санат поддерживал ее музыкальные фантазии и получал в награду восторженные взгляды.

В ресторан стали пускать первых посетителей. Официантка Ломакина, как бы мимоходом, упрекнула музыкантов:

– Расшумелись тут!

– Это музыка, – не согласилась Лия.

Лана пригвоздила выскочку испепеляющим взглядом:

– Посторонним на сцену нельзя, сейчас метрдотель придет.

– Репетиция закончена, – объявил Санат, не желая обострять ситуацию.

Лие не хотелось уходить, она призналась:

– Я была бы рада выступить для зрителей.

– Это не концертный зал, это ресторан.

– Зато здесь можно играть всё.

Подшли музыканты «Ночного шторма», в их мутных глазах штормило от похмелья. Они косо взирали на скрипачку, не понимая, что здесь делает вчерашняя именинница. Дирижер поведал Ковалю о желании девушки. Тот задумчиво почесал щетину. С одной стороны, как отказать дочке влиятельного человека, а с другой, придется ломать сложившийся репертуар. Если клиентам не понравится, парнас уменьшится.

– Как скажет Хозяин, – решил руководитель ансамбля.

Санат передал ответ, и девушка воспряла духом:

– Точно! Я скажу дяде Рудольфу, что папа разрешил. Портновский не посмеет возражать.

Музыкальный коллектив в привычном составе начал вечернюю программу. Лия сходила к Портновскому. Тот выслушал просьбу хорошо знакомой девушки и рассеянно кивнул в знак согласия.

Хозяину гостиницы было не до ресторанной музыки. Сегодня ему заявила о краже помирившаяся чета московского дантиста. И жена директора текстильной фабрики надоедает: почему до сих пор не нашли деньги, которые обронил в отеле ее муженек. А еще о пропавшем выигрыше карточных катал нельзя забывать. Чертовщина какая-то! Если кражи в «Жемчуге» продолжатся, это ударит по его доходам и репутации. Не звать же милицию. Начнется проверка – не откупишься.

Обрадованная Лия вернулась в ресторан. Она ничего не успела сказать, а Санат словно знал о решении директора и подбодрил девушку, вставив музыкальные такты Паганини в современную песню.

За одним из столиков Лия увидела своих двоюродных братьев по материнской линии: Георгия и Ираклия Давиташвили. Те призывно махали ей руками. С ними за столом находился кто-то третий.

– Ты знаешь, кто с нами? – вопрошал возбужденный Ираклий, усаживая Лию за столик.

– Федор Черенков! – радостно гаркнул Георгий.

Лия слышала это имя и по возбужденному состоянию братьев, любителей футбола, поняла, что перед ней известный футболист. Она решила продемонстрировать свою осведомленность.

– Сейчас в Испании чемпионат Мира.

– А Федора не взяли. Тренеры – козлы! – откликнулся Ираклий.

– Им же хуже будет! – пригрозил Георгий.

– Зато я в отпуске. На море, – ответил футболист бесцветным голосом.

– Вчера Черенкову машину помяли. Он обратился на нашу СТО «Южная». Приемщица, дура, даже не поняла, кто перед ней. – Ираклий загнурил, передразнивая приемщицу: – У нас очередь на три месяца.

– Хорошо, что я оказался рядом. Завтра твоя машина будет, как новенькая, – заверил футболиста Георгий.

Лия знала, что оба брата числятся на станции техобслуживания кладовщиками, но отец их использует для более серьезных дел. Что-то связанное с поставкой левых запчастей и даже разборкой краденных автомобилей, но она старалась не думать о том, как отец зарабатывает большие деньги. Он ей ни в чем не отказывает.

Музыканты объявили десятиминутный перерыв. Братья принялись обсуждать начавшийся чемпионат Мира по футболу, Лия поспешила к сцене.

– Портновский дал добро, – сообщила она руководителю ансамбля. – Я готова прямо сейчас.

Коваль с трудом сдержал недовольную гримасу и махнул рукой:

– Только на время перерыва.

Он ушел. Ободренная Лия пропела:

– А мною заполняют перерыв. – Она взяла скрипку и кивнула Санату: – Погнали, как репетировали.

Они сыграли каприз Паганини, чем несказанно удивили и заинтересовали публику. Последующие озорные импровизации на темы популярных песен подняли гостей из-за столиков. Скрипачка местами использовала цыганские мотивы. Люди танцевали и выражали одобрение новому звучанию.

Вернувшийся Коваль удивился прибавлению купюр в коробке для парнаса, но благодарить незваную гостью не стал. Лие пришлось покинуть сцену. Она вернулась за столик.

Братья Давиташвили изумленно таращились на родственницу. Санат слышал их недовольство.

– Это что было, сестренка? Вчера – понятно, папу порадовала, а сегодня зачем полезла на сцену? – недоумевал Георгий. – На кой тебе играть в кабаке!

– Дяде Отару не понравится, – покачал головой Ираклий. – Дома играй сколько хочешь.

– Вы предлагаете тренироваться дома? – переспросила Лия и перевела взгляд на футболиста. – Тот, кто умеет играть, должен играть на публике. Разве не так?

Черенков посмотрел в глаза девушки и кивнул:

– Для вас сцена, как для меня футбольное поле. Без него... – Он потупился и скомкал салфетку.

Официантке Ломакиной тоже не нравилось присутствие красивой девушки на сцене рядом с тем, кого она считала своим парнем. Лана видела какими глазами Санат смотрел на чертову скрипачку и слышала, как вдохновенно выступает пара. В музыке они раскрылись друг перед другом, обнажив истинные чувства. И эти чувства выходили за рамки простой любви к музыке.

В следующий перерыв Лия снова взялась за скрипку. Она не пыталась что-то доказывать недовольным братьям, она просто исполняла то, что ей нравится на любимом инструменте. Для себя, для удивительного клавишника, с которым они были на одной душевной волне, и для публики. Пусть пьяной, пусть необразованной, зато отзывчивой и легкой на подъем.

Ломакина, проходя мимо сцены, бросала яростные взгляды на бесстыжую скрипачку: чтоб ты провалилась со своей пиликалкой!

Санат не замечал беспокойства Ланы. Он был поглощен новым музыкальным наблюдением. Синтезатор, как аналог фортепиано, хорошо сочетался со струнным инструментом. Он дополнял и облегчал игру Лии на электроскрипке. Вместе они добивались нового качества звучания. Это чувствовали слушатели, а Лия после каждой композиции благодарила его восторженным взглядом.

В ресторан вошел Аркадий Надеин. Вчера его познакомили с Лией Беридзе, девушка ему понравилась. Да и отец настаивал – выгодная партия, за девушкой состояние, игра на скрипке тоже плюс – это же наш народный инструмент. И мать, подумав, одобрила: хоть и грузинка, а играет на скрипке, как настоящая еврейка.

Сегодня Аркадий звонил домой Лие, предлагал встретиться, но та ответила, что вечером занята. Причем, чем-то важным, отчего не может отказаться. Он поправил очки и подошел поближе к сцене, чтобы не обознаться. Так вот чем занята его потенциальная невеста. Развлекает пьяную публику в кабаке! Да еще строит глазки какому-то азиату!

Аркадий дождался, пока его заметит Лия, демонстративно развернулся и собирался уйти, но его подхватил под локоть любезный Портновский. Рудольф Матвеевич угадал настроение парня и свел сына богатого цеховика с обольстительной Татьяной. Быть в обществе рыжеволосой красотицы – именно то, что требовалось уязвленному самолюбию обманутого ухажера. Аркадий танцевал с Рыжей перед сценой, прижимался к партнерше, а в конце танца швырнул крупную купюру скрипачке под ноги.

Лия бесхитростно улыбнулась, радуясь за себя и несостоявшегося жениха. Обиженный Аркадий решил довести месть до конца. Он охотно согласился уединиться с податливой рыженькой. Правда для этого требовалось напоить ее отца во время игры в карты. Ну что ж, это несложно, девушка обещала помочь.

Когда Рыжая под присмотром Капитана повела Аркадия Надеина в номер, Санат понял, что и сегодня беременной Сане не удастся расслабиться. Ей предстояло контролировать кар-

точную игру, отслеживать перемещение выигрыша в надежде облапошить шулеров. Ему волею-неволей придется подстраховывать сестру от опасных неожиданностей.

Как долго это затянется? Возможно до утра.

Глава 11

Дирижер ошибся лишь в продолжительности карточной игры. Капитан не стал церемониться и быстро хлопнул молодого Надеина, вынудив парня сыграть в долг. Рыжеволосая красавица мгновенно охладела к неудачнику и тот заподозрил, что его развели опытные шулеры. Скандал погасили на корню. Медведь с Камазом явились по первому сигналу Рыжей. Ударом по почкам неразговорчивые борцы остудили пыл незадачливого игрока и съездили с ним к папаше, чтобы обналичить долговую расписку.

Илья Осипович кипел от злости на беспечного сына, но деньги выдал исправно. С карточным долгом лучше не связываться.

Крупный выигрыш охранники вместе с Капитаном доставили в кабинет директора гостиницы.

– Вот и славно, – слышал Санат голос Портновского, специально задержавшегося на работе. – У меня денежки будут в сохранности. Ваша доля на нижней полке. Ключ от сейфа я никому не доверяю. Можете спать спокойно.

Шаманов переночевал в гримерной на диване. После завтрака Сана вызвала брата на набережную. Напрягать слух при напряженных нервах на последнем триместре беременности ей было тяжело.

Супруги Самородовы под ручку прогуливались по тихой утренней набережной. Благостная картина – беременная женщина дышит свежим морским воздухом в сопровождении заботливого мужа. Однако их разговор был далек от идиллии. Шаманов шел в десяти метрах сзади. Специально для него супружеская пара возобновила утренний спор.

– Нам надо получить ключ от сейфа, – твердил Антон.

– Как? Ключ всегда у Хозяина. Что ты предлагаешь? – отвечала Сана.

– Украсть, к примеру. Вытащить из кармана.

– Кто это сделает?

– Не беспокойся, тебя не пошлю. Сам попробую.

– Ты не щипач. Попадешься.

– Тогда применю силу, – настаивал Антон. – Вмажу в лоб и заберу.

– Ну вот, приехали! Мы же договорились, работаем без бандитских штучек.

– Ну, не знаю, – искал варианты Антон. – Можно позвать Портновского за наш столик, поболтать о кино, напоить. Он снимет пиджак. Ты пригласишь на танец, а я в это время...

– Совсем дурак? – обиделась Сана. – Посмотри на мой живот. Какая выпивка, какие танцы?

– Ну, тогда... – Антон вздохнул и обратился к жене, прекрасно понимая, что Санат его слышит. – Надо попросить твоего брата. Повторить голосовой нокаут с Портновским, как с Капитаном.

Пара замолчала и замедлила шаг, ожидая реакции Дирижера. Шаманов во время прогулки смотрел на пляж. Его взгляд цеплялся за фигурки стройных девушек, и пытался представить, как Лия смотрелась бы в том или ином купальнике. Фантазия не срабатывала. Образ девушки у него ассоциировался с закрученным вихрем музыки, в котором хотелось раствориться душой и телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.